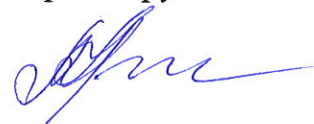

На правах рукописи

КРЫЖАН АННА ВИКТОРОВНА

**Местные органы и учреждения юстиции черноземных
губерний в социально-политической повседневности первых
десятилетий советской власти (1917–1936 гг.)**

Специальность 07.00.02 – Отечественная история

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Курск 2022

Работа выполнена
в ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»

Научный консультант доктор исторических наук, профессор Третьяков
Александр Викторович

Официальные оппоненты:

Аронов Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева»,
заведующий кафедрой теории и истории государства и права;

Богданов Сергей Викторович, доктор исторических наук, доцент, профессор
Губкинского филиала ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
технологический университет «МИСиС»;

Ливенцев Дмитрий Вячеславович, доктор исторических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет имени
императора Петра I», кафедра истории, философии и социально-
политических дисциплин.

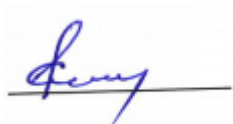
Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова».

Защита состоится 23 сентября 2022 года в 12.00 на заседании диссертационного
совета Д 999.217.03 Курского государственного университета по адресу: 305000,
г. Курск, ул. Радищева, д. 33, конференц-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Курского
государственного университета, <http://www.kursksu.ru/>

Автореферат разослан 19 августа 2022 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Салтык Галина Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется местом, ролью и значением системы юстиции в жизни общества, в развитии и укреплении современного правового государства. Буквальное значение слова юстиция – правосудие. В общепринятом смысле юстиция – это особый вид правоохранительной и правоприменительной государственной деятельности. Исходя из этого, систему юстиции можно понимать как совокупность указанной специфической государственной деятельности, органов управления и институтов, в рамках которых она осуществляется, а так же людей с конкретными профессиональными знаниями и трудовым опытом.

Особенностью системы юстиции является то, что она призвана обеспечивать социальное взаимодействие граждан в правовом поле, и потому касается различных сторон жизни каждого человека. От действия системы юстиции зависит регулирование повседневных жизненных действий людей, а от её эффективности – степень доверия к власти.

Изучение различных аспектов деятельности органов и учреждений советской юстиции в исследуемый период актуализируется глобальными изменениями, которые претерпела Россия в последние десятилетия. В условиях современного развития российской демократии деятельность органов и учреждений юстиции интересна для изучения не столько с точки зрения обеспечения правопорядка, сколько с позиций их воздействия на государственный механизм и государственную политику в целом.

Актуальность темы определяется и развивающейся тенденцией укрепления региональной власти. Устойчивое и стабильное развитие федеративного государства невозможно без стабилизации условий жизнедеятельности людей на местах и их правовой защиты, что повышает значимость осмысления исторических уроков, вытекающих из судьбоносной эпохи первых двух послереволюционных десятилетий.

История деятельности органов и учреждений юстиции видится актуальной и в свете современного развития российской правовой системы, истоки которой были заложены в исследуемый период, поскольку в дореволюционной России ни органы управления, ни учреждения юстиции не были четко структурированы.

Представляется актуальным проследить и сопоставить с нынешними реалиями профессиональную компетентность и гражданскую позицию работников юстиции первых послеоктябрьских десятилетий, механизм их взаимоотношений с властью имущими с одной стороны, и рядовым обывателем – с другой. Опыт противостояния первых поколений советских юристов властным злоупотреблениям важен для формирования менталитета профессионального юридического сообщества в современной России.

Объектом исследования является партийно-государственная политика по формированию основ советского государства в период 1917–1936 годов.

Предметом исследования является деятельность местных органов и учреждений юстиции по созданию условий для достижения стратегических целей государства, поддержания общественной стабильности в социально-политической повседневности первых десятилетий советской власти.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1917 года, когда был образован Наркомат юстиции РСФСР (далее – Наркомюст, НКЮ) и начала создаваться система советской юстиции, по 1936 год, когда была принята Конституция СССР и образован Наркомат юстиции СССР. В этом промежутке система юстиции пережила неоднократные структурные изменения. В историческом аспекте эта политика имела следующую динамику: господствовавший в центральном руководстве в 1917–1918 гг. и порожденный ленинской теорией пролетарского государства правовой нигилизм к концу 1910-х годов сменился пониманием необходимости системы юстиции в государственном механизме. Вплоть до середины 1920-х центральная власть использовала органы и учреждения юстиции как средство подавления самостоятельности и «революционного угара» местных властей, что предполагало определенную свободу действий местных чиновников от юстиции, их организационную независимость от советских и партийных руководителей. С середины 1920-х годов центральное большевистское руководство стало рассматривать систему правосудия как средство претворения в жизнь социально-политических государственных целей. Это породило тенденцию к втягиванию местных органов и учреждений юстиции в репрессивные политические процессы, проявившуюся в конце 1920-х годов.

Географические границы исследования. Деятельность местных органов и учреждений юстиции исследуется на материалах черноземного региона: Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний. До 1928 года они существовали как самостоятельные административно-территориальные единицы. В 1928 году была образована Центрально-Черноземная область (далее ЦЧО), которая просуществовала вплоть до 1934 года. Область первоначально была разделена на 11 округов и 178 районов. Областным центром являлся город Воронеж. Судебные округа были связаны с административными округами. В 1930 году округа были ликвидированы, осталось только районное деление, с которым было связано размещение учреждений юстиции. В 1934 году ЦЧО была разделена на Воронежскую область в составе бывших Воронежской и Тамбовской губерний, и Курскую в составе бывших Курской и Орловской губерний.

Степень изученности темы представлена в первом параграфе первой главы работы.

Цели и задачи диссертации. Цель настоящего исследования – основанное на объективном научном анализе документальных источников исследование активной роли системы юстиции в обеспечении результатов государственной политики в период 1917–1936 гг.

Названная цель предполагает решение следующих **задач**:

- проанализировать социально-политическую реальность 1920 – середины 1930-х годов и адаптацию населения к условиям формируемой реальности;
- изучить условия деятельности органов и учреждений юстиции на местах, проанализировать, насколько недостатки и злоупотребления в их деятельности были опосредованы этими условиями;
- выявить характер взаимоотношений местных органов и учреждений юстиции с партийными, советскими и чрезвычайными органами на местах;
- исследовать возможность и степень влияния результатов профессиональной деятельности местных судебно-прокурорских работников и правозащитников на осуществление государственной политики;
- выяснить степень интеграции работников местной юстиции в социально-политическую реальность 1920 – середины 1930-х годов и её влияние на формирование у них профессиональной системы ценностей;
- обосновать позитивное восприятие системы юстиции обывателем как один из факторов, влияющих на результаты деятельности её органов и учреждений.

Источниковая база исследования представлена во втором параграфе первой главы работы.

Научная новизна диссертационного исследования.

1. Проведен анализ влияния деятельности местных органов и учреждений юстиции на осуществление стратегических целей советского государства. Сформулировано и обосновано понятие «влияние деятельности органов и учреждений юстиции на результаты государственной политики» как процесса внедрения новых форм, способов и повседневных практик профессиональной деятельности, которые формировались под воздействием революционных изменений, и способствовали трансформации отношения большевиков к системе юстиции.

Автором установлено, что результатом совокупности повседневных профессиональных действий работников юстиции на местах стало применение новых норм советского права к решению насущных проблем граждан, большинство из которых не имело политического характера. Это заставило представителей новой власти изменить отношение к юстиции как к временной сфере, выработать отношение к ней и понимание её роли в государственном механизме. В 1920-х годах эта роль определялась тем, что местные органы и учреждения юстиции использовались для сдерживания излишней революционности и самостоятельности местной власти. В 1930-е годы большевики начали использовать систему юстиции для решения политических задач, однако, к концу 1930-х окончательной политизации органов юстиции не произошло. Большевики так же вынуждены были отказаться от непризнания институтов прокуратуры и адвокатуры как неприемлемых для советского правосудия, формализовать эти институты и

регламентировать их деятельность, поскольку без этого невозможно было использовать их как орудие политического господства.

2. Установлено, что система юстиции вплоть до начала 1930-х годов не только находилась вне сферы государственного террора, но и противодействовала ему в рамках своих компетенций и институциональных возможностей. Основными ресурсами этого противодействия являлись: заинтересованность большевиков в цивилизованной юстиции и сложившиеся на основе идеи социальной справедливости ценностные ориентации местных судебно-прокурорских работников.

Автор приходит к выводу, что большевики до середины 1930-х годов поддерживали правоохранный характер деятельности органов и учреждений юстиции, так как были заинтересованы в создании видимости демократии перед собственным народом и всем миром, а также сознавали возможность использования системы юстиции в качестве средства претворения в жизнь социально-политических целей. Вместе с тем, работники юстиции ориентировались не только на должностные обязанности и «букву закона», но и на сформировавшиеся под воздействием собственного социального опыта и советской пропаганды представления о социальной справедливости. В результате их повседневные трудовые действия сдерживали излишнюю «революционность» местных властей и репрессивные устремления центральной власти.

3. Обосновано, что противодействие системы юстиции государственному террору не в состоянии было остановить волну произвола и насилия, но отдельные судебно-прокурорские решения не только определяли судьбы реальных людей, но и смягчали остроту противоречий в не устоявшейся общественной системе, создавали основу для системы социальной адаптации.

4. Привлечение историко-психологических методов исследования позволило заключить, что на местном уровне давление экстремально изменчивых исторических условий повышало степень изменчивости поведения людей, которые, испытывая страх за свою жизнь, вырабатывали практики повседневного поведения, способные стабилизировать их положение. Эти индивидуальные практики быстро распространялись и социализировались окружающими. Это приводило к тому, что не только население адаптировалось к власти, но и власть вынуждена была адаптироваться к поведению населения.

Обоснована важность отношения населения к деятельности органов власти.

5. На основе впервые введенных в научный оборот архивных материалов установлено, что повседневная деятельность местных органов и учреждений юстиции воспринималась населением не только конструктивно, но и формировало определенное доверие к ним. В исследуемый период население не воспринимало суд и прокуратуру как карательные органы, обращалось к ним с насущными, зачастую мелкими частными проблемами, признавая за этими учреждениями право и обязанность поддерживать

социальный порядок. В диссертации позитивное восприятие органов и учреждений юстиции на местах анализируется как фактор, усиливающий её правоохранительную направленность.

6. Обоснован тезис о том, что относившееся к разряду клише определение «рабоче-крестьянская» (например, «рабоче-крестьянская милиция» или «рабоче-крестьянская армия») было неприменимо к органам юстиции. Словосочетание «рабоче-крестьянская прокуратура» или «рабоче-крестьянский нотариат» не прижились в обиходе послереволюционной эпохи, по отношению к учреждениям и институтам юстиции применялось определение «советский». В сознании масс органы юстиции были структурным элементом нового государственного механизма, призванным решать их повседневные проблемы, а не классовые задачи.

В ходе исследования установлено, что местные органы и учреждения юстиции выступали одновременно в качестве субъекта и объекта политики по созданию советского правосудия. С одной стороны, большевики пытались создать систему, максимально демонстрирующую народный характер правосудия, для чего создавались разнообразные общественные формы. С другой стороны, повседневные профессиональные действия работников предполагали не только формальные действия по охране, обеспечению и применению правовых норм. Они включали в себя общественную нагрузку, характер которой соответствовал революционным условиям исследуемого периода. Несмотря на то, что эта нагрузка отнимала время работников, она имела положительный результат, так как способствовала повышению правовой грамотности населения, пониманию им сущности деятельности органов и учреждений юстиции, что повышало степень адаптации населения к режиму.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Завершенное исследование позволяет преодолеть существующее в историографии преобладание односторонней оценки роли деятельности органов и учреждений советской юстиции на местах в обеспечении стратегических целей большевистского государства.

Исследование заявленной проблемы имеет значение для осмысления активной роли отдельных политических институтов и обеспечивавших их работу людей в реализации государственных стратегий развития, складывании социально-политической реальности, в которой люди вынуждены существовать.

Практическую ценность имеет воспитательный потенциал исследованного материала и сделанных выводов. Даже в период гигантских социальных преобразований, осуществляемых государственной машиной с целью подавления и подчинения личности, индивид не только может адаптироваться к системе, ориентируясь на стратегию выживания, – иногда реальные жизненные практики отдельных людей или сообществ могут в отдельных вопросах деформировать линию государственной политики.

Фактический материал, положения и выводы диссертации могут быть использованы в обобщающих трудах по истории Отечества, истории отечественного государства и права, в соответствующих учебных пособиях, вузовском преподавании.

Методологическая база исследования. Исследование деятельности отдельной системы государственных органов в контексте социально-политической повседневности задает междисциплинарный подход, благодаря которому исследования проводились на стыке истории с философией, социологией, психологией, конфликтологией.

Категория повседневности исследуется представителями разных наук: социологами, этнографами, культурологами, историками. В исторической науке повседневность понимается как быт или уклад жизни людей. Социологическая точка зрения подчеркивает двойственную природу повседневности: реальность организуется вокруг того, что происходит «здесь» и «сейчас» для каждого человека, и потому субъективна, но одновременно представляет собой мир, в котором человек живет и взаимодействует с другими членами общества.

В основу понимания социально-политической повседневности положена мысль основателя гносеологического направления в философии истории Р. Арона: «Политическая или военная история ... содержит в себе то, что произошло, ссылаясь на то, что было мыслимо...»¹.

Разработка темы и интерпретация изучаемого материала проводились с учетом особенностей исследуемого периода, его насыщенности событиями, влиявшими на изменение структуры и функционала государственных органов, что обусловило приоритетность *принципа историзма*. Рассмотрение отдельной системы как целостного организма, развивающегося в контексте изменчивых исторических реалий, учет влияния на ее становление государственной политики и традиционных начал, способствуют воссозданию картины деятельности системы юстиции и её влияния на осуществление государственной политики той эпохи.

Принцип историзма эффективен при реализации исследовательских задач, связанных с анализом социально-политической реальности 1920-х – середины 1930-х годов и адаптации населения к условиям формируемой реальности; специфики взаимодействия органов юстиции с советскими и партийными органами; влияния условий деятельности органов и учреждений юстиции на её результаты.

Под *влиянием деятельности органов и учреждений юстиции на результаты государственной политики* нами понимается процесс внедрения новых форм, способов и повседневных практик профессиональной деятельности, которые формировались под воздействием революционных

---

¹ Арон Р. Измерения исторического сознания. М., 2014. С. 11.

изменений и способствовали трансформации отношения большевиков к системе юстиции.

В основе разработки взятой проблемы лежит предпринятый на основе принципа объективности *системный комплексный анализ* явлений, характеризующих деятельность органов и учреждений юстиции по обеспечению условий для достижения стратегических целей государства.

Исследование отдельных составляющих этой деятельности (взаимодействие с местными органами власти, кадровая политика, взаимодействие с населением) потребовало проведения *поведенческого анализа*, позволившего вычлнить конкретные социальные практики.

Предметом нашего исследования является деятельность органов и учреждений юстиции, которая не может пониматься только как реализация предписанного функционала. Любые государственные структуры создаются, в конечном счете, для регулирования социальных систем и процессов, их функционал всегда корректируется «потребителем», то есть, происходит своеобразная социальная интерференция. В этой связи, функции органов и учреждений юстиции, а также устремления людей и создаваемые ими новые социальные практики в нашем исследовании выступают в качестве взаимодействующих объектов. Исследование юстиции как открытой системы, действующей в активном взаимодействии с социумом, потребовало *синтеза* разноплановых научных суждений, приведшего к конструированию онтологически целостного объекта. Это позволило обосновать концепт активной роли системы юстиции в осуществлении государственных стратегий в исследуемом периоде.

Исследование влияния деятельности на результаты государственной политики в сложный, изменчивый период обуславливает особую важность *историко-антропологического подхода*. Он позволяет реконструировать повседневную жизнь человека, менталитет работников сферы юстиции.

Анализ повседневных профессиональных действий конкретных работников юстиции, находившихся в постреволюционном историческом пространстве, позволяет определить смысл принимаемых ими решений, проследить, как эти решения способствовали использованию ресурсов советского управления, придавали форму советской системе юстиции и влияли на формирование политики в области правосудия.

Под *повседневными профессиональными действиями* мы понимаем роль конкретного работника юстиции (субъекта) в приспособлении правовых норм и практик их применения к особенностям исторических условий, в которых они существуют. Повседневные действия, несомненно, опосредованы внешними условиями, однако, на них в значительной степени влияют социальный опыт и знания конкретных людей, их эмоции, ценностные ориентации.

Исследование опирается на традиционное социологическое понимание ценностных ориентаций как совокупности социальных ценностей, которые

усваиваются в процессе социализации и определяют мотивацию личности, а, следовательно, и её поведение.

Принципиально важным является учет того обстоятельства, что исследованию подверглись ценностные ориентации людей, находившихся под влиянием, с одной стороны, социокультурных норм, характерных для повседневного российского сознания, с другой – массивной большевистской пропаганды. Совпадение или противоречие этих ценностных систем порождало уникальные формы противостояния или приспособления к действиям власти, в решающей степени влияло на формирование отношения обывателя к советскому режиму.

Одним из наиболее ценных для анализа ценностных ориентаций видов источников являются письма граждан во властные органы и в газеты, содержат как явные, так и скрытые смыслы, вызываемые попаданием автора в ту или иную систему социальных коммуникаций. Целесообразным для исследования явилось использование *интерпретативного метода*, используемого в социальной психологии. Интерпретативный метод позволяет проникнуть в логику и значения, которые авторы писем вкладывают в слова, обеспечивает понимание особенностей менталитета, эмоций и их изменения в зависимости от изменений повседневных процессов, заставляет обратиться к проблеме социализации личности в плане её адаптации к социальной системе. Особую важность имеет то, что интерпретация предполагает связь отдельного документа не только с его собственным контекстом, но и с контекстами других источников и учет своеобразия времени и культуры, в которых жили авторы. Разнообразие респондентов, тематики и объемы обращений граждан позволяют выполнить это условие.

Использование в работе регионального подхода нацеливает на анализ макро- и микропроцессов, что способствует детальному исследованию документальных материалов региональных архивов, раскрывающих особенности складывания и развития взаимоотношений различных элементов системы юстиции, их отношений с местной властью, иными ведомственными системами.

Предмет исследования предполагает использование *правоведческих методов и категорий*. Применение понятий «право», «закон», «социалистическая законность» проводилось в контексте того, что в исследуемый период понятие «правопорядок» подменялось порядком идеологическим. Сочетание исторического и историко-правового подходов создает условия для более глубокого анализа практики деятельности местных органов и учреждений юстиции.

Положения, выносимые на защиту

1. В постреволюционной России степень вмешательства власти и контроля над повседневной жизнью людей была чрезвычайно высока. Однако изначальные намерения власти в той или иной степени трансформировались. Деятельность местных органов и учреждений юстиции рассматривается как

социально-политическая повседневность, поскольку она влияла на радикально изменчивые политические процессы исследуемого периода, направляя их в русло развивающегося советского права.

2. После революции глобальной политической целью государственной политики большевиков было удержание и стабилизация власти. В решающей степени это зависело от поддержки общества. Несмотря на то, что советская повседневная реальность не могла находиться вне политического контекста, жизнь каждого индивида была связана с реализацией множества поведенческих практик, не имевших политического содержания, причем политическая нестабильность постреволюционного времени увеличивала их количество. Местные органы и учреждения юстиции оказались приспособлены к регулированию этих практик.

3. Отношение большевиков к органам и учреждениям юстиции в исследуемый период трансформировалось из восприятия их в качестве временного элемента государственного аппарата в понимание необходимости целенаправленных усилий по выстраиванию системы и использования ее институциональных возможностей для реализации политических стратегий. Этой трансформации способствовало то, что местные органы и учреждения юстиции, опираясь на нормы советского права, сдерживали революционность и произвол власти на местах, направляя ее деятельность в рамки правового поля и отстаивая частные права граждан.

4. Основными ресурсами противодействия органов и учреждений юстиции злоупотреблениям местных властей являлись: ведомственное подчинение центральному государственному органу – Наркомату юстиции РСФСР и его поддержка; заинтересованность большевиков в цивилизованном правосудии как одном из аргументов в пользу модели советской демократии; наличие в кадрах местных учреждений специалистов с дореволюционным юридическим образованием и профессиональным опытом; складывавшаяся под воздействием официальной советской пропаганды профессиональная система ценностей работников.

5. Имевшее место в 1920–1930-х годах сопротивление судебно-прокурорских работников на местах попыткам использовать закон и суд как средства проведения политических преобразований не могло остановить волну произвола и насилия, но отдельные судебно-прокурорские решения определяли судьбы людей.

6. Конструктивное восприятие местных органов и учреждений юстиции населением явилось фактором, который усиливал правоохранительную направленность их деятельности. Тесное соприкосновение с повседневными жизненными проблемами в рамках профессиональной деятельности и отстаивание неполитических прав граждан привело к тому, что эти граждане стали взаимодействующим с системой субъектом, влияющим на формирование ее профессиональных практик.

7. Активная роль местных органов и учреждений юстиции в создании советского правосудия проявилась и в обеспечении работы разнообразных общественных институтов, демонстрирующих формы вовлечения населения в повседневную работу по охране социалистической законности. Несмотря на разнообразие этих форм, ни одна из них не достигла желаемого результата.

8. Подчиняясь реалиям эпохи, работники юстиции добровольно, а чаще по предписанию, вовлекались в разнообразные формы общественной работы, которая наносила ущерб основной профессиональной деятельности, поскольку отнимала много времени. Тем не менее, просветительская деятельность судей, следователей, адвокатов и прокуроров имела и позитивную сторону: разъяснение основ советского права улучшало культурный уровень населения, делало систему правосудия более понятной, способствовало формированию доверительного отношения к ней рядовых обывателей.

Достоверность и апробация результатов исследования. Достоверность проведенного исследования базируется на основе объективного анализа значительного массива опубликованных источников и архивных материалов (исследовано 107 дел из 29 фондов 7 архивов), обеспечивается системным характером исследования, логикой сделанных выводов.

Важнейшие положения и выводы диссертационного исследования были изложены в научной монографии и 36 статьях в периодических изданиях (из них – 4 в журнале, включенном в международные реферативные базы данных Scopus и Web of Science; 20 – в журналах, входящих в перечень ВАК, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени доктора наук, общим объемом 21,46 п. л.), а так же в форме докладов и сообщений на научных конференциях в Москве, Новосибирске, Ростове-на-Дону, Курске, Вене (Австрия).

Структура работы. Диссертация включает введение, пять глав, заключение и список источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «*Историография и источники*» исследуется степень научной разработанности проблемы и дается характеристика источников диссертационного исследования.

В первом параграфе «*Историография*» показано, что историография проблемы представлена обширным перечнем работ отечественных и зарубежных историков, посвященных различным аспектам исследуемой темы.

Из работы видно, что *отечественная историография* включает следующие направления исследований: *советская повседневность; институциональное развитие системы юстиции; условия и содержание деятельности различных учреждений юстиции; отношение советских людей к системе юстиции и результатам её деятельности.*

Анализ советской повседневности отражен в комплексных социологических исследованиях П. Бергера и Т. Лукмана, Л.А. Савченко, в которых показана конвергенция различных направлений исследования категории повседневности, их методологическая и теоретическая база².

В историческом контексте *советская повседневность* начала исследоваться на рубеже 1970–1980-х годов, когда кризис идеологии привел к необходимости обоснования успехов социалистического строительства. Появляются работы, посвященные исследованию материального благосостояния советских людей, при этом причина его роста традиционно виделась в развитии материального производства, благодаря которому у советских людей увеличилось количество свободного времени³.

В 1980–1990-х годах появились работы, анализирующие повседневность послевоенных десятилетий. Опираясь на статистические данные и социологические исследования, Е.Ю. Зубкова, Б.Н. Казанцев, О.Л. Лейбович не просто связывали изменения советского быта с успехами социализма, но и прослеживали динамику отношения рядовых советских граждан к повседневной действительности⁴.

В начале XXI века появляются труды по методологии истории советской повседневности. Н.Н. Козлова уделила большое внимание мотивации советских людей, считая выработку советским человеком поведенческих норм спонтанным эффектом принудительной игры, которую ему постоянно навязывало государство⁵. Дихотомия норм и отклонений лежит в основе понимания советской повседневности Н.Б. Лебиной⁶. С точки зрения Н.Л. Пушкаревой оправдана постановка таких тем, как повседневность военной поры или эпохи революций⁷. Революционная повседневность стала предметом исследования В.П. Булдакова, который показал разрыв между социальными иллюзиями масс и «беспределом», порожденным элементарными бытовыми обстоятельствами⁸.

В работах С.В. Ярова исследовано влияние перемен на формирование политического сознания советских людей, что позволяет по-новому взглянуть

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995; Савченко Л.А. Методология исследования социологии повседневности // Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 2. С. 159–167.

³ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Социальное развитие рабочего класса СССР. М., 1974; Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.Н. Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М., 1977

⁴ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы. 1945–1964 гг. М., 1993; Она же. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса // Социальные исследования. 1993. №4. С.3–14; Лейбович О. Л. Реформа и модернизация в 1953-1964 гг. Пермь, 1993.

⁵ Козлова Н.Н. Советские люди: Сцены из истории. М., 2005.

⁶ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии. 1920–1930 годы. СПб., 1999.

⁷ Пушкарева Н.Л. Современное состояние и предмет истории повседневности. Отличие истории повседневности от этнографических исследований быта. / Социальная история российской провинции. Материалы межрегиональной научной конференции (май 2004 г.). Тамбов, 2004. С. 3–5.

⁸ Булдаков В.П. За фасадом радикальных доктрин: абсурд революционной повседневности 1917–1918 годов // задавая вопросы прошлому... Сб. статей. М., 2000.

на такой источник как «письма во власть» – многочисленные жалобы и прошения обывателей, направляемые в государственные и советские органы разного уровня⁹.

Анализируя повседневность переломной послереволюционной эпохи, нельзя обойти вниманием характер установившейся власти, её взаимоотношения с обществом. Этому вопросу посвящены труды Е.А. Бондаревой, В.Н. Бровкина, Б.Н. Земцова, Л.В. Кабановой, И.В. Павловой, Ю.С. Пивоварова и А.И. Фурсова, А.Н. Сахарова¹⁰.

В последние десятилетия появились отдельные работы, авторы которых, анализируя частные, неординарные ситуации в деятельности местных государственных органов Советской России первых послереволюционных десятилетий, подчеркивают, что эта деятельность организовывалась не только с классовых, идеологических позиций, но и предопределялась стремлением выстроить продуктивную систему управления, призванную решать сложные проблемы. В их числе статьи В.Б. Аксенова, В.П. Данилова, С.И. Сивцевой¹¹.

Исследование деятельности органов и учреждений юстиции в сложный послереволюционный период невозможно без анализа их *институционального развития*.

М.П. Ирошников исследует процесс рождения и становления Советского государства, анализирует направления деятельности первого Советского правительства¹². Особенный интерес представляют выводы о зависимости структуры государственного учреждения от кадрового состава высшего административного персонала¹³ и о складывании в исследуемую эпоху нового самосознания государственных служащих¹⁴.

⁹ Яров С.В. Источники по истории политического протеста в Советской России в 1918–1923 гг. СПб., 2001; Он же. Конформизм в Советской России. Петроград 1917–1920-х годов. СПб., 2006.

¹⁰ Бондарева Е.А. Религиозная мысль русского зарубежья об исторических судьбах России // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 53–65; Земцов Б.Н. Конституционные основы большевистской власти (первая советская Конституция 1918 г.) // Отечественная история. 2006. № 5. С. 65–73; Кабанова Л.В. Система Советов послереволюционных лет и проблема централизации власти // Ярославский педагогический вестник. 2004. № 4. С. 40–49; Павлова И.В. Власть и общество в СССР в 30-е гг. // Вопросы истории. 2001. № 10. С. 46–57; Пивоваров Ю.С. Фурсов А.И. О нынешней ситуации и проблемах изучения русской истории (на путях к россиеведению) // Русский исторический журнал. 1998. Т. 1. № 1. С. 5–7; Сахаров А.Н. 1930: год «коренного перелома» и начала Большого террора // Вопросы истории. 2008. № 9. С. 40–69.

¹¹ Аксенов В.Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблема легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 36–50; Данилов В.П. Необычный эпизод во взаимоотношениях ОГПУ и Политбюро (1931 г.) // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 117–129; Сивцева С.И. Спецпоселенцы в Якутии в 1930–1950-х годах // Отечественная история. 2007. № 6. С. 108–117.

¹² Ирошников М.П. Рожденное Октябрем. М., 1987; Он же. Из начальной истории становления советского центрального аппарата управления (1918) // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность: Ежегодный международный научный форум. Июнь 2003. СПб., 2003. С. 27–32; Он же. О некоторых вопросах изучения генезиса и традиции советской государственности в России // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки. Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 89–90.

¹³ Ирошников М.П. Создание советского центрального государственного аппарата. М., 1967.

¹⁴ Ирошников М.П. О некоторых вопросах изучения генезиса и традиции советской государственности в России // Мавродинские чтения 2004. Актуальные проблемы историографии и исторической науки.

Фундаментальный труд Е.Н. Городецкого посвящен процессу создания и деятельности центральных государственных органов. Автор подчеркивал планомерность и рациональность мероприятий советского правительства¹⁵.

Е.Г. Гимпельсон приходит к выводу, что отраслевые наркоматы фактически подчиняли себе функциональные отделы исполкомов и напрямую руководили ими¹⁶.

Подробный институциональный анализ системы юстиции предпринят в монографии И.И. Олейник «Органы юстиции Советской России в 1917–1936 гг.»¹⁷. Автор дифференцирует органы управления юстицией, подробно анализирует их функции, акцентирует внимание на проблемах управления в области юстиции. Проблемы развития структуры и нормативной правовой базы деятельности органов и учреждений юстиции, в том числе, в первые два десятилетия советской власти, рассмотрена в еще одной монографии этого автора «История отечественных органов и учреждений юстиции»¹⁸.

Собственную классификацию советских институтов юстиции приводят А.Я. Кодинцев и Д.Н. Шкаревский. Они различают органы общей юстиции, рассматривавшие дела неполитического характера, и органы специальной юстиции, к которым относят трибуналы и специализированные прокуратуры, в том числе военные и лагерные¹⁹.

Отдельным институтам системы юстиции посвящены исследования Д.В. Аронова, Е.В. Сафроновой, В.Н. Струкова²⁰.

Становление советской судебной системы и судебная реформа 1922 года всесторонне освещена как в исторической, так и в историко-правовой литературе.

Серия одноименных публикаций «На пути к «Красному Сенату»» важна анализом децентрализованной и централизованной модели судебной системы и факторов, способствовавших утверждению централизованной модели. Авторы отмечают, что эти факторы носили преимущественно политический характер²¹.

Материалы юбилейной конференции, посвященной 70-летию исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета. СПб., 2004. С. 90.

¹⁵ Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства. М., 1987.

¹⁶ Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917–1920 гг. М., 1998.

¹⁷ Олейник И.И. Органы юстиции Советской России в 1917–1936 гг. Иваново, 2003.

¹⁸ Олейник О.Ю., Олейник И.И. История отечественных органов и учреждений юстиции. М., 2012.

¹⁹ Кодинцев А.Я., Шкаревский Д.Н. Органы специальной юстиции советского государства как инструмент защиты власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 29.

²⁰ Аронов Д.В. Нотариат Орловщины. Листая старые страницы и создавая будущее. М., 2012; Он же. Нотариат Орловской губернии: от революции 1917 г до НЭПа – от попытки уничтожения до полного огосударствления. Нотариус. 2013. № 3. С. 44–47; Он же. Орловский нотариат эпохи строительства социализма – между жизнью и идеологической догмой. Нотариус. 2013 № 7. С. 43–47; Сафонова Е.В., Струков В.Н. История зарождения советской модели прокуратуры (1917–1922 гг.) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». 2018. Том 43, № 3. С. 539–544; Струков В.Н. Оформление института прокуратуры СССР в единую централизованную систему // Вестник Белгородского института МВД России. 2018. № 4. С 4–10.

²¹ Захаров В.В., Захарова П.В. На пути к «Красному Сенату»: первый опыт централизации революционных трибуналов (1917–1918 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. № 2.

Формы советского правосудия исследованы в статьях В.М. Сырых, А.Ю. Кеклиса и Е.Р. Шумана²². Авторы анализируют нормативную базу и принципы становления советского суда.

Существенную помощь в осознании последствий судебной реформы 1922 года для развития органов управления юстицией оказали статьи А.Я. Кодинцева, А.С. Смыкалина²³. В них исследуются причины реформы, появившиеся в процессе реформы нормативные правовые акты, её результаты и влияние на структуру органов и учреждений юстиции.

В отечественной историографии имеются отдельные публикации, анализирующие *условия, в которых действовали местные органы юстиции*: качество кадров и материальные условия труда. Проблемам качества юридических кадров посвящены труды А.В. Гавриловой, Н.В. Козловой, В.В. Захарова, А.Я. Кодинцева²⁴. Наиболее полно представлена историография вопроса о подготовке юридических кадров. В частности, В.В. Захаров и Н.Н. Зипунникова всесторонне исследовали реформу юридического образования начала 1930-х годов и её результаты²⁵. Авторы уделяют внимание целям большевиков в организации юридического образования, достоинствам и недостаткам системы. Однако вопрос о том, каким образом в повседневной деятельности учреждений юстиции преодолевались негативные влияния крайне низкого качества юридических кадров, остается за пределами их исследования.

С. 45–62; Захарова П.В. На пути к «Красному Сенату»: первые шаги в системе народных судов (1917–1918 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2017. № 4. С. 37–62.

²² Сырых В.М. Формы советского правосудия периода гражданской войны (1917–1921 гг.) // Российское правосудие. 2018. № 7(147). С. 41–51; Кеклис А.Ю., Шуман Е.Р. Судебная система в период становления советской власти // Современные проблемы образования. Сборник научных трудов научно-педагогического состава Санкт-Петербургского военного института войск Национальной гвардии. СПб, 2017. С. 105–107.

²³ Кодинцев А.Я. Эксперименты и дискуссия о структуре органов юстиции СССР в середине 30-х годов XX века // Адвокатская практика. 2006. № 4. С. 28–33; Смыкалин А. С. Судебная реформа 1922 года // Российская юстиция. 2002. № 4. С. 39–42; Он же. Реорганизация органов судебного управления на местах в 1922–1924 гг. // Проблемы права, социалистической государственности и социального управления: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 73. Свердловск, 1978. С. 137–142.

²⁴ Гаврилова А.В., Козлова Н.В. Образовательный ценз как критерий профессионализма кадрового состава в правоохранительной системе в советском государстве // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 218–225; Захаров В.В. Создание «народного» нотариата в Советской России (1917–1921 гг.) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2015. № 11. С. 40–51; Кодинцев А.Я. Проблемы развития системы юридического образования в СССР в середине 30-х годов XX в. // Юридическое образование и наука. 2006. № 2. С. 30–34; Он же. Среднее юридическое образование в системе органов юстиции СССР в 30-е годы XX в. // Среднее профессиональное образование. 2007. № 9. С. 83–84; Он же. Высшее юридическое образование в системе органов юстиции СССР в 30-е годы XX в. // Право и образование. 2007. № 11. С. 116–129.

²⁵ Захаров В.В. Юристы для пролетарской диктатуры реформа юридического образования 1931 г. (по материалам публикаций «Российского юридического журнала») // Российский юридический журнал. 2015. № 2 (101). С. 201–214; Зипунникова Н. Н. Институтские будни: научная деятельность и профили подготовки специалистов (1931 г.) // Российский юридический журнал. 2013. № 6. С. 191–205; Зипунникова Н. Н. Институты советского права в «конвейерной ленте» правового образования: в продолжение разговора о реформе подготовки юристов в начале 1930-х гг. // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 182–195.

Специфике кадрового состава прокуратуры и адвокатуры, вопросам партийной дисциплины в этих органах, тенденции омоложения их кадров посвящены исследования Г.Т. Камаловой, Е.Н. Соломатина и Н.Е. Пирязева²⁶.

Одним из малоисследованных аспектов кадровых условий работы советских госучреждений было привлечение так называемых «соцсовместителей» в рамках кампании, проводившейся в начале 1930-х годов. Статья Е.В. Булюлиной «Соцсовместительство: советский театр абсурда»²⁷ является первым серьезным исследованием этой забытой кампании. Автор делает аргументированный вывод о том, что соцсовместительство проистекало из стремления большевиков избежать отвлечения рабочих от производственного процесса для участия в разнообразных массовых кампаниях с одной стороны и нежелания отказываться от ленинского тезиса об участии рабочих в государственном управлении с другой.

Проблема материальных условий деятельности учреждений юстиции исследуется в вышеупомянутых трудах И.И. Олейник и О.Ю. Олейник²⁸.

Исследуя материальное положение советской прокуратуры в период ее становления, С.Ю. Салмина приходит к выводу о том, что причиной недостаточного финансирования прокуратур было тяжелое экономическое положение в стране и тенденция к сокращению расходов на содержание госаппарата, благодаря чему финансирование местных госорганов было передано местным бюджетам²⁹. Автор неоднократно подчеркивает, что материальное положение работников прокуратуры было значительно хуже, чем положение госслужащих других государственных ведомств, однако, не объясняет причин этого явления.

Однако материальная необеспеченность не снижала требований, предъявлявшихся к органам и учреждениям юстиции, и не снимала задач, которые перед ними стояли, соответственно, работа в условиях крайне слабого материального обеспечения порождала практики выживания в экстремальных трудовых условиях, которые остались за пределами внимания исследователей.

Историография проблемы *отношения советских людей к системе юстиции и результатам её деятельности* только начинает складываться в последнее десятилетие, в основном она представлена исследованиями общих политических настроений и восприятия рядовым населением большевистской системы в целом. Особо следует отметить монографию А.Я. Лившина³⁰.

²⁶ Камалова Г.Т. Изменение кадрового состава прокуратуры Урала в условиях НЭПа // Отечественная история. 2008. № 2. С. 120–124; Соломатин Е.Н., Пирязев Н.Е. Социальный портрет советского адвоката в 1920–1930-е гг. // История. Исторические источники. 2016. № 3. С. 129–140.

²⁷ Булюлина Е.В. Соцсовместительство: советский театр абсурда // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25, № 3. С. 21–30.

²⁸ Олейник И.И. Органы юстиции Советской России в 1917–1936 гг. Иваново, 2003; Олейник О.Ю., Олейник И.И. История отечественных органов и учреждений юстиции. М., 2012.

²⁹ Салмина С.Ю. Экономическое положение органов прокуратуры: историко-правовые аспекты // Юридическая наука. 2020. № 9. С. 88–92.

³⁰ Лившин А.Я. Настроения и эмоции в Советской России. 1917–1932 гг. М., 2010.

Исследование содержит психологический и социологический анализ местной власти. Идея автора о том, что в исследуемый период оценки обывателя во многом базировались на его представлениях о социальной справедливости как основе свободы, помогла объяснить парадоксальное сопротивление местных судебно-прокурорских работников начавшемуся на рубеже 1920–1930-х годов распространению массового террора в отношении крестьянства.

О.В. Хлевнюк высказывает мысль о том, что «сталинская диктатура была явлением сколь «укорененным», столь и «верхушечным»»³¹, исследует механизмы принятия и реализации политических решений³².

Вопросы, связанные с восприятием деятельности органов и учреждений юстиции, особенно на местном уровне, еще не подвергались системному анализу, фрагментарно они подняты в *диссертационных исследованиях*.

Особый интерес представляет работа И.И. Олейник. Автор дифференцирует систему Министерства юстиции и систему органов юстиции. Значимым является сделанный Олейник вывод о том, что одной из закономерностей периода 1917–1936 годов являлась тенденция к ведомственному обособлению отдельных звеньев системы юстиции, изначально входивших в систему Наркомюста³³. В контексте своей темы автор рассматривает местные органы управления юстицией как органы судебного управления.

Диссертационные исследования В.Н. Емельянова, М.Б. Моттаевой, И.Н. Чорного, И.А. Коссова посвящены правовому анализу отдельных аспектов становления и деятельности органов и учреждений юстиции. В работе В.Н. Емельянова представлена односторонняя, с исторических позиций поверхностная точка зрения на политическую юстицию исключительно как на систему карательных органов³⁴. Формирование системы советской юстиции в период 1917–1922 годов является предметом исторических исследований Р.Х. Кардановой, П.С. Кашменского, В.А. Павлова³⁵.

В региональном аспекте проблема исследуется в диссертационных работах Е.В. Долженковой, В.В. Максимовой, О.Н. Мигущенко, В.И. Михеева, Е.В. Пестерева, В.Н. Письменнова, В.В. Терещенко.

³¹ Хлевнюк О.В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 445.

³² Хлевнюк О.В. 1937-й. Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992; Он же. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

³³ Олейник И.И. Организационно-правовые основы становления и развития органов управления юстицией в РСФСР: 1917–1936 гг. Дис. ... докт. юр. наук. Владимир, 2006.

³⁴ Емельянов В. Н. История создания и правовое обоснование деятельности политической юстиции Башкирской АССР в 1917-1941 годах. Дис. ... канд. юр. наук. Уфа, 2006; Моттаева М.Б. Исторический опыт и традиции в деятельности органов юстиции Российской Федерации. Дис. ... канд. юр. наук. М., 2004; Коссов А.И. Становление народных судов и Наркомата юстиции РСФСР. 1917–1922 гг. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.; Чорный И.Н. Адвокатура как институт защиты прав и свобод личности. Автореф. дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2011.

³⁵ Карданов Р.Х. РКП(б) и формирование системы советской юстиции (1917–1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Кашменский П.С. Революционная законность и становление советской юстиции (1917–1922 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2008; Павлов В.А. Становление органов юстиции и прокуратуры РСФСР. Октябрь 1917 – декабрь 1922. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

Выводы Е.В. Долженковой о причинах плановых перебросок и распределении отдельных руководящих работников на новые должности были учтены при анализе кадровых условий деятельности органов и учреждений юстиции³⁶.

В.В. Максимова и В.В. Терещенко анализируют органы юстиции Курской губернии в контексте их институционального развития в общем ряду других правоохранительных ведомств, выделяя наиболее общие факторы их деятельности³⁷.

В докторской диссертации О.Н. Мигущенко «Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области)» в числе прочего, исследована деятельность Советского государства в 1928–1934 годах по правовому воспитанию сельского населения, что позволило проанализировать эффективность общественной нагрузки работников юстиции и вовлечения широких слоев населения в различные формы общественного правосудия³⁸.

Предпринятое В.И. Михеевым исследование протестных форм взаимодействия курских крестьян с властью способствовало исследованию практик приспособления в решении повседневных жизненных задач³⁹.

В.Н. Письменов анализирует деятельность органов юстиции в общем ряду губернских органов управления⁴⁰. Нельзя согласиться с его выводом о том, что органы юстиции оказались в зависимости от исполкомов, поскольку это противоречит как факту их ведомственного подчинения Наркомату юстиции, так и противостоянию злоупотреблениям со стороны советских органов и отдельных должностных лиц. Поверхностным представляется вывод о том, что кадровый состав местных прокуратур качественно отличался от других учреждений юстиции, по причине того, что к прокурорам предъявлялись особые требования в части знания советского законодательства.

Е.В. Пестерев, рассматривая формирование и деятельность местных органов юстиции на Урале в 1920-е годы, приходит к выводу, что их деятельность была предопределена партийными директивами, которые не

---

³⁶ Долженкова Е.В. Отечественный исторический опыт в области подбора и расстановки руководящих кадров в 1920-е годы: на материалах Курского края. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2012.

³⁷ Максимова В.В. Становление и деятельность правоохранительных органов советской провинции: 1917–1928 гг. (на примере Курской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2004; Терещенко В.В. История становления и развития провинциальной адвокатуры (на материалах Курского края в период октября 1917–1953 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007.

³⁸ Мигущенко О.Н. Влияние социально-экономической политики государства на формирование правосознания сельского населения (на материалах Центрально-Черноземной области). Дис. ... докт. юр. наук. М., 2008.

³⁹ Михеев В.И. Сопроотивление курского крестьянства политике большевиков в 1918–1933 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 1998.

⁴⁰ Письменов В.Н. Органы управления Курской губернии: Механизм формирования и подбор кадров, 1920–1928 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2001.

позволяли развиваться в нужном правовом направлении⁴¹. Такой вывод не учитывает специфику этой сферы, незначительность числа коммунистов в органах юстиции и отсутствия у большевиков четкого понимания её роли.

Одним из последних диссертационных исследований, предпринятых по соответствующей проблематике, стала диссертация А.Г. Факурдиновой «Система квазисудебных институтов в советском обществе 1920-х гг.». На региональном материале Тамбовской губернии автор исследует деятельность разнообразных форм общественного внесудебного правосудия⁴². Особый интерес представляет вывод автора о том, что при формировании ряда квазисудебных органов (примирительных камер, товарищеских судов и т.д.) вводилось требование соблюдения гендерного баланса, что справедливо расценивается автором как новаторская социальная практика, способствовавшая введению женщин в общественный дискурс.

Обзор советской историографии показывает, что, наличие значительного числа публикаций по вопросам деятельности органов и учреждений советской юстиции на местах, не сформировало обстоятельного научного исследования по вопросу их роли в обеспечении стратегических задач государства. Уместно говорить только о детальном анализе деятельности отдельных звеньев юстиции и динамики структурных изменений системы в целом. Большинству публикаций свойственна односторонняя оценка, что не позволяет понять, как большевикам удалось выстроить и сохранить систему советского права, действовавшую несколько последующих десятилетий.

В наименьшей степени исследованы вопросы, связанные с практиками повседневной работы учреждений юстиции, а также проблемы отношения советских людей к системе юстиции и отношения работников местных учреждений юстиции к социально-политическим процессам, частью которых они являлись.

В работе обосновано, что вектор исследования указанных проблем **зарубежными учеными** отличается от направлений исследований отечественной историографии.

Выводы В.З. Голдман (США) позволяют исследовать роль сознания и поведения обывателей в массовых политических процессах и возможность корректировки этих процессов «снизу»⁴³.

Н. Верт (Франция) обосновывает тезис о существовании различных форм общественного сопротивления. Особую ценность представляет реализованная автором задача отслеживания хода репрессивных компаний от момента принятия решения до воплощения его в жизнь конкретными работниками на

⁴¹ Пестерев Е.Р. Формирование и деятельность органов юстиции на Урале в 1920-е годы: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2009.

⁴² Фаркудинова А.Г. Система квазисудебных институтов в советском обществе 1920-х гг.: Дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2021.

⁴³ Голдман В.З. Террор и демократия в эпоху Сталина. Социальная динамика репрессий. М., 2010.

местах: следователями, судьями, прокурорами и иными должностными лицами⁴⁴.

Дж. М. Истер (США) представляет собственное объяснение роли системы личных взаимоотношений и самосознания местной элиты как неформального источника власти, повлиявшего на мощь государства⁴⁵.

У П. Х. Соломона (Канада) почерпнуты две позиции. Во-первых, «многие из действий Сталина по расширению диапазона применения уголовного права и введению суровых наказаний за конкретные преступления вступали в противоречие с системой ценностей судебно-прокурорских работников и с их пониманием проблемы справедливости и целесообразности»⁴⁶. Во-вторых, нахождение системы юстиции вне политического террора было обусловлено стремлением большевиков демонстрировать наличие в советском государстве цивилизованного правосудия⁴⁷.

В диссертации показано, что труды зарубежных историков частично улучшают ситуацию в отечественной историографии, связанную с разработкой наиболее «узких» мест данной проблематики, касающихся взаимоотношения и взаимовлияния власти и общества, оспаривают традиционные исторические концепции.

Однако трудам западных исследователей присущ общий недостаток – они находятся в русле западного понимания влияния системы ценностей на формирование мотивов поведения личности в конкретной ситуации, не учитывают характера воздействия революционных изменений на российского обывателя, лишённого либерального понимания свободы.

Во втором параграфе «*Источники*» дается характеристика источников, положенных в основу диссертационного исследования.

Из диссертации видно, что при проведении исследования использовался широкий круг разноплановых источников. К опубликованным источникам относятся *нормативные правовые акты исследуемой эпохи, речи, статьи и труды государственных деятелей первых десятилетий Советской власти, воспоминания современников и материалы периодической печати.*

Нормативные правовые акты исследуемой эпохи включают разнообразные по происхождению и виду документы: конституции, резолюции Съездов Советов и съездов ВКП(б), декреты и постановления ВЦИК и СНК (союзного и республиканского уровня), ведомственные документы Наркомюста.

Аналізу подверглись документы, которые нормировали структуру органов и учреждений юстиции, субъекты и объекты властных полномочий, способы их реализации.

⁴⁴ Верг Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М., 2010.

⁴⁵ Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010.

⁴⁶ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 436, 438.

⁴⁷ Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 2008. С. 443.

Для оценки мотивации действий и отношения людей к происходящему необходимо верное представление о сущности среды, в которой люди действуют. Решению этой задачи способствует анализ *речей, статей и трудов государственных деятелей первых десятилетий Советской власти*, их соратников и оппонентов (В.И. Ленина, Д.И. Курского, П.И. Стучки, Л.Д. Троцкого, С.Е. Крыжановского⁴⁸).

Особую ценность для исследования, предпринятого в контексте изучения социально-политической повседневности, имеют **воспоминания современников**. Они оказали помощь в осознании социально-политических процессов, происходивших в Советской России в начале 20-х годов⁴⁹.

Воспоминания работников юстиции того периода содержат оценку новых кадров, пришедших в сферу юстиции после революции, помогают вникнуть в суть антагонизма, существовавшего между дореволюционными юристами и новой властью⁵⁰.

Двухтомник «Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг.»; Общество и власть: 30-е годы. Повествование в документах» объединяет документы, авторами которых являются рядовые участники событий, а также ранее недоступные информационные сводки ОГПУ/НКВД и других политических органов⁵¹.

К следующей группе опубликованных источников следует отнести **материалы периодической печати** тех лет. В рамках исследования анализу подверглись материалы центральных печатных органов – газеты «Правда», «Еженедельника советской юстиции»; а так же публикации региональных периодических изданий: печатного органа обкома ВКП(б), Облесполкома и Облпрофсовета Центрально-Черноземной области газеты «Комунна», региональных партийных изданий – «Курская правда», «Орловская правда»; органа Ливенского райкома ВКП(б) и районного совета депутатов трудящихся «Знамя Ленина» (Орловская область).

Наибольший массив **неопубликованных источников** представляют **архивные материалы**. Основу диссертации составили документы и материалы, извлеченные из 29 фондов 7 архивов: двух центральных и пяти региональных.

⁴⁸ Ленин В.И. «Государство и революция» // Полн. собр. соч. Т.33. С. 1–120; Он же. Резолюция заседания Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября 1917 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 4–5; Он же. О «двойном подчинении» и законности // Полн. собр. соч. Т. 45. С.197–201; Он же. О взаимоотношении судебных и следственных органов. Записки В.М. Молотову // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 243; Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1958; Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964; О характере государственного строя в России (и записок С.Е. Крыжановского 1926 г.) // Вопросы истории. 2008. № 3. С. 17; Троцкий Л.Д. Сталинизм и большевизм // Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев). 1939. № 58–59 / URL: https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1937/stalinism_bolshevism/01.htm.

⁴⁹ Веселовский С.Б. Дневники 1917–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2000. № 3. С. 105.

⁵⁰ Архив русской революции. Т. 8. М., 1991; Право Советской России: Сборник статей. Прага, 1925.

⁵¹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. Т.1. М., 1998; Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. Т.2. М., 1998.

Официальные документы фонда А-353 *Государственного архива Российской Федерации* (далее – ГАРФ) (циркуляры, директивные письма, отчеты) позволяют составить достоверную картину структуры органов и учреждений юстиции в центре и на местах, их властных полномочий. Недостатком является анонимность официальных документов, особенно характерная для первой половины 1920-х годов. Следует отметить большую, по сравнению с региональными архивами, сохранность отчетных материалов, которые присылались с мест, так как на местах копии отчетов часто не сохранялись, либо были утрачены.

Фонды *Российского государственного архива социально-политической истории* (далее – РГАСПИ) Ф. 82 «Молотов Вячеслав Михайлович» и Ф. 153 «Стучка Петр Иванович. (1865–1932)» персонифицированы, содержат переписку руководителей советской юстиции с иными государственными деятелями, обращения в различные партийно-государственные структуры. Эти материалы позволяют судить о действиях и интересах конкретных людей, которые влияли на формирование государственной политики в области правосудия.

В государственных архивах Курской, Орловской, Воронежской и Тамбовской областей практически отсутствуют документы, относящиеся к концу 1917 – 1918 годам, что объясняется как отсутствием нормальной работы учреждений на местах в названные годы, так и эвакуациями в годы гражданской и Великой отечественной войн. Эти пробелы позволяют восполнить материалы ГАРФ. Вследствие объединения в 1928 году центрально-черноземных губерний в Центрально-черноземную область, материалы передавались из одного архива в другой. Подобные передачи осуществлялись и позже, поэтому проследить судьбу конкретного персонажа или разрешение той или иной ситуации порой невозможно.

В архивах Курской, Орловской и Тамбовской областей объем источников, относящихся к периоду 1928–1934 гг., заметно меньше, чем за предыдущие годы, поскольку с 1928 по 1930 год они действовали как судебные округа в составе ЦЧО, а после отмены округов, как районы. Этот пробел восполняют фонды *Государственного архива Воронежской области* (далее – ГАВО), хранящие материалы, относящиеся ко всей ЦЧО, так как Воронеж являлся областным центром.

Материалы фондов *Государственного архива общественно-политической истории Курской области* (далее – ГАОПИКО) позволили восстановить картину взаимодействия органов юстиции Курской губернии с местными партийными, советскими и чрезвычайными органами, проанализировать нарастание степени влияния ВКП(б) на деятельность учреждений юстиции на местах.

Исследуемые материалы региональных архивов можно разделить на три группы. *Первую группу* составляют официальные документы, представленные в виде различной переписки государственных структур

(фонды ГАВО Р–410, *Государственного архива Курской области* (далее – ГАКО) Ф. Р–451, *Государственного архива Орловской области* (далее – ГАОО) Ф. Р–1220, *Государственного архива Тамбовской области* (далее – ГАТО) Ф. Р–1). Как правило, такие документы надлежащим образом оформлены, имеют канцелярские грифы, позволяющие определить их принадлежность, авторство и дату создания.

Следующая группа архивных источников – это протоколы и постановления местных исполкомов советов, протоколы заседаний президиумов и коллегий советов народных судей, губернских судов и коллегий правозащитников, протоколы заседаний различных комиссий (фонды ГАКО Р–160, Р–166, Р–1721, фонд ГАОО Р–473, фонды ГАТО Р–524, Р–663).

Третья группа архивных документов – письма рядовых граждан, обращенные к различным органам и учреждениям (фонды ГАВО Р–661, ГАКО Р–323, Р–325, ГАОПИКО П–121). Письма обывателей отражают реальность исследуемой эпохи, являются личностными документами и позволяют анализировать проблему отношения личности к социальной системе, однако, работа с этим видом источников затрудняется тем, что требуется выяснить, в какой степени мы имеем дело с искренним мнением людей.

Из работы видно, что все виды архивных источников содержат два вида информации: объективную достоверную информацию, заключенную в официальных нормативных актах, ведомственных циркулярах и письмах местных и центральных органов и должностных лиц, и субъективную, личностную информацию, характерную для жалоб рядовых граждан властям, частных писем, анонимных газетных заметок, источников мемуарного характера.

Характер предпринятого исследования предопределяет первостепенную важность личностной информации. Субъективизм преодолевается за счет значительного объема привлеченных для исследования источников и их разнообразия, что позволяет сопоставить информацию, проанализировать и получить достоверные выводы.

Во второй главе *«Повседневность социалистического строительства 1920–1930-х гг.»* рассматривалась советская повседневность 1920–30-х гг. как совокупный результат деятельности политических институтов и порожденные этими результатами реакции людей и социальные практики.

В первом параграфе *«Гражданское сознание в Советской России в первые послереволюционные годы»* исследовалась мотивация принятия новой власти, характер и формирование противоречивого отношения рядовых граждан к новой советской политической системе.

В работе классифицированы три группы граждан, живших в период революции и последующих изменений.

Во-первых, это те, кто принципиально не приняли итоги революции и негативно воспринимали любые, даже позитивные изменения, производимые новой властью. Основная масса этих людей была готова к открытому сопротивлению, другие выражали свое несогласие пассивным протестом.

Другую группу составляли убежденные сторонники революции. Любые действия новой власти они готовы были принять безоговорочно как нужные, правильные и справедливые. Работа в органах новой власти воспринималась ими не с точки зрения карьерного роста, а являлась следствием внутренней мотивации и личной убежденности в своей правоте.

В совокупности обе группы находились в меньшинстве по сравнению с третьей, которая состояла из людей, пытавшихся в экстремальных условиях сохранить и наладить свою жизнь. Оценка этой группы как срединной, находящейся между противниками и сторонниками власти представляется неверной. Они реализовывали собственные жизненные стратегии, которые были связаны с выживанием и защитой частных интересов в новых условиях. Если представители первых двух групп решали четко сформулированные для себя задачи, то представители третьей группы вынуждены были действовать в условиях постоянного изменения задач, поскольку не имели конкретных ориентиров, кроме цели выжить. Именно они создавали практики социальной адаптации, которые порождали неординарные ситуации.

Из работы видно, что жизнь людей протекала в условиях, когда события столь быстро сменяли друг друга, что не оставляли времени для осознания их результатов. Самой «повседневной» задачей человека вследствие этого была задача выживания и сохранения принадлежавших ему позиций. Главным препятствием в этом являлась власть.

Материалы исследования показывают, что недовольство людей было направлено не на саму систему, а на тех, кто использовал её возможности в собственных корыстных целях. Действия власти почти не критиковались, в отличие от действий её конкретных представителей, которые вызывали у населения неприязнь и подвергались открытому осуждению.

Мотивация принятия новой власти представляется весьма разнообразной. На современника первых послереволюционных лет воздействовали ожидания нового, интерес к происходящим изменениям и порождаемый ими неуверенность и страх, нужда, отчаяние, вызванное собственным бессилием. В работе проанализированы следующие ключевые позиции: 1) искренняя вера в будущую счастливую жизнь со стороны революционно-активного населения, которое своим энтузиазмом могло вдохновить пассивную массу; 2) власть, действующая с применением непредсказуемых репрессий, но предлагающая четкую программу, в условиях политической нестабильности лучше, чем анархия и братоубийственная война; 3) формально советская власть действительно была всенародной, доступной, и для народа быстро стали ясны возможности её использования. Обыватели не задумывались о сущности и характере новой власти, они просто сосуществовали с ней.

Во втором параграфе «*Взаимоотношения обывателя и власти в послереволюционный период*» исследовалась специфика взаимоотношений рядовых граждан с местной властью.

На повседневную жизнь людей преимущественно влияет местная, а не центральная власть. Самостийность местных советов усилила это обстоятельство. «Качество» местной власти снижалось от уровня к уровню. Её злоупотребления и некомпетентность использовались предприимчивыми гражданами для того, чтобы через обвинения власти в незаконных действиях отстоять собственные интересы.

Кроме некомпетентности, у местной власти была проблема чрезмерной «революционности», стремления во всем воплотить классовый принцип.

В работе показано, что воздействие власти на повседневную жизнь людей было непредсказуемо именно потому, что она действовала в большей степени в соответствии с идеей, а не с законом. Причем, чем ниже уровень власти, тем дольше сохранялся импульс «революционности», поскольку революционная целесообразность всегда удобнее, чем законность.

Власть была не слишком связана правовыми предписаниями, поскольку они только создавались. В постреволюционной России, вследствие отсутствия либеральных традиций и ценностей, власть создавала правовые нормы, удобные для себя, а не для личности. В силу этого, степень контроля за повседневной жизнью людей была гораздо больше, чем в других странах. Однако, несмотря на силу властного аппарата и применение репрессивных методов, его изначальные намерения могли трансформироваться под воздействием инерции человеческого быта. Кроме того, действия власти зачастую порождали непредвиденные тенденции, которые были нежелательны для неё самой.

Поскольку обыватель и власть неразрывно связаны общей средой и обстоятельствами, они не могут не соответствовать друг другу. Большевик и сталинизм зарождались и развивались на российской почве и были обусловлены конкретными социально-политическими и экономическими реалиями, системой ценностей и представлений людей. Знания, культура, даже, внешний облик большевистских руководителей разного уровня соответствовали представлениям обывателей о том, какими должны быть люди, стоящие у власти. Это привело к тому, что обыватели быстро выработали поведенческие нормы, тем более что их возможный перечень был узким, вследствие общей примитивности носителей власти. В поведении местного руководства сфокусировались представления миллионов людей о том, как они сами вели бы себя, если бы им дали власть в руки.

То есть действия власти всегда адекватны сознанию людей, безотносительно к тому полезны они для них, вредны или даже опасны, а это значит, что рано или поздно обыватель научается «пользоваться ситуацией».

В третьем параграфе «*Социально-политическая повседневность 1920-30-х гг.*» исследовался примат политического содержания в повседневной реальности Советской России.

В работе показано, что разноуровневые советы на практике должны были претворять в жизнь идею народовластия, чему соответствовала их форма. При этом функции местных советов четко не были нормированы. Это спровоцировало восприятие политической ситуации в том смысле, что никакой другой власти, кроме местного совета, можно не признавать, что не могло не импонировать населению, которое, особенно, на уровне сельских советов, имело возможность выдвинуть во власть хорошо знакомых людей или родственников. Таким образом, сама советская система заложила основу для самостоятельности местных советов, причина которой крылась в широкой поддержке их населением. Депутаты низовых советов ничем не отличались от избравших их обывателей, их действия были предсказуемы, а злоупотребления ожидаемы, так как совпадали с пониманием власти не как ответственности, а как источника привилегий.

В работе раскрываются причины широкого включения населения в политические процессы. Во-первых, в 1920–30-е годы власть начала контролировать все стороны жизни, используя, в том числе, и репрессивные методы. Недовольство большевиками не переросло в открытый протест потому, что насилие и чрезвычайные меры применялись часто и масштабно, наличие врагов стало восприниматься как реальность, а их насильственное уничтожение – как рациональное действие. Репрессивные действия власти стали обыденным явлением, как и недовольство ими.

«Частная жизнь» просто перестала существовать, потому что её основой является частная собственность и индивидуальная свобода, которых больше не было. Кроме того, власть постоянно порождала новые организационные формы и структуры и новые идеи, которые влияли на обыденную жизнь человека.

Во-вторых, экономическая политика большевиков в 1920–30-е годы развивалась разнонаправленно, это означало смену имущественных отношений, которая в условиях отсутствия частной собственности могла иметь только политический контекст.

НЭП породил новую волну социальной адаптации. Огромное большинство рядовых граждан было вынужденно втянуто в спекуляцию, поскольку по-иному они не могли выжить.

Допущение контролируемой частной собственности в годы нэпа не привело к возникновению экономической свободы – политические методы решения экономических проблем сохранились. Нэпманы не рассматривались как экономические конкуренты государственному производству, они должны были решить задачу экономического оживления, которой придавался политический характер. В этом контексте роль нэпманов аналогична роли местных советов – большевики использовали их для удержания власти и сохранения социального господства.

В работе сделан вывод, что для Советской России повседневная реальность была немыслима вне политического содержания, поскольку частная собственность и основанная на ней экономическая свобода были не приемлемы. Личности ничего не оставалось, кроме как вырабатывать практики выживания, которые позволили бы ей приспособиться к существовавшим политическим условиям.

В третьей главе «*Система советской юстиции в 1917–1936 гг.*» исследовался характер и содержание деятельности органов и учреждений юстиции.

В работе конкретизировано понятие «система юстиции». Поскольку исследование предпринято с целью анализа активной роли системы юстиции в обеспечении результатов государственной политики, важным было не институциональное строение системы, а характер и содержание её деятельности. Рамки системы юстиции определены, исходя из наиболее общего понимания юстиции как вида правоохранительной и правоприменительной государственной деятельности. Система юстиции рассмотрена как совокупность специфической государственной деятельности и институтов, в рамках которых она осуществляется.

В исследуемый период организационный компонент системы юстиции составляли: органы управления юстицией в центре (в разные годы в рамках исследуемого периода – Наркомюст РСФСР, Верховный Суд РСФСР, Верховный Суд СССР, Прокуратура СССР); органы управления юстицией на местах (в разные годы в рамках исследуемого периода – комиссариаты, отделы или бюро юстиции при местных исполкомах, губернские суды и советы народных судей, областные суды); местные судебные и следственные участки, прокуратуры; юридические институты адвокатуры и нотариата.

В первом параграфе «**Система органов и учреждений юстиции**» исследовались структура и содержание деятельности центральных и местных органов управления юстицией, а также судебно-следственных учреждений, прокуратуры, адвокатуры и нотариата.

В работе показано, что в исследуемый период организационное строение системы подвергалось неоднократным изменениям. Причиной было усложнение социально-политических процессов и изменение их характера, а также изменение представлений власти о роли органов юстиции.

До начала 20-х годов управление юстицией было сосредоточено в руках Наркомюста РСФСР. Одним из основных результатов такого управления стало создание советской судебной системы. Однако нахождение судебных учреждений под эгидой ведомственных административных органов Наркомата юстиции оказалась невыгодна государству. В этой связи ликвидация местных отделов и бюро юстиции и передача функций управления губернским судебным органам представляется логичным.

После судебной реформы 1922 года стала проявляться тенденция к ведомственному обособлению и централизации в общесоюзном масштабе

различных направлений деятельности, относившихся к компетенции НКЮ. Эта тенденция заметно усилилась в середине 30-х годов в связи с усилением роли государственного управления и его усложнением.

Основополагающим элементом созданной большевиками судебной системы стал народный суд. Определение «народный» представляется не случайным.

Убедившись в утопичности идеи самостийного установления общественного порядка, поддерживаемого революционной сознательностью масс, новая власть начала активно пропагандировать тезис о необходимости создания и безусловного применения революционной законности.

Это означало создание системы цивилизованного правосудия, максимально обеспечивавшей интересы народных масс, которую большевики всячески стремились продемонстрировать не только собственному народу, но и буржуазным оппонентам в качестве бесспорного преимущества советского строя.

Стремясь к продвижению советского права, большевики не могли представить либеральной Европе суд, как орган власти пролетариата и беднейшего крестьянства, к тому же, явно классовые названия буквально воспринимались на местах как оправдание допустимости произвола по отношению ко всем остальным социальным слоям. Поэтому определение «народный суд» как нельзя больше соответствовало интересам новой власти.

Учреждение прокуратуры, адвокатуры и нотариата было вызвано не только усложнением задач, которые призвана была решать система юстиции, но и намерением большевиков продемонстрировать стремление к созданию цивилизованного правосудия, основанного на законности и способного не допустить нарушения прав советских граждан.

К моменту возникновения в 1936 году общесоюзного Наркомата юстиции была решена задача создания независимых друг от друга судебной и прокурорской систем.

Во втором параграфе «**Условия деятельности органов и учреждений юстиции на местах**» исследовались кадровые и материальные условия деятельности местных органов и учреждений юстиции.

В работе выделены четыре категории работников юстиции исследуемой эпохи.

К первой относились работники, которые были сторонниками нового режима, понимали и принимали его принципы и идеалы. Главной их проблемой было отсутствие образования, профессионального опыта, и, зачастую, низкий культурный уровень.

Ко второй категории относились лица, которые понимали народовластие как произвол и вседозволенность, были не столько сторонниками власти, сколько пользовались ей. Они открыто совершали должностные правонарушения, злоупотребляли властью, оправдывая это революционными лозунгами.

Третью категорию составляли бывшие судебно-следственные работники, согласившиеся сотрудничать с новой властью, так как были достаточно лояльны, а их специфические профессиональные знания нигде более не могли быть востребованы. Их преимуществом было наличие профессиональных знаний и опыта. К таким работникам относились с недоверием, они имели минимальные шансы на продвижение по службе.

Четвертую категорию составляли случайные люди, которым просто не на что было жить, а в учреждениях юстиции ощущалась острая нехватка кадров.

В работе показано, что на протяжении исследуемого периода кадровая проблема системы юстиции имела несколько составляющих. Во-первых, острая нехватка работников, имевших профессиональное юридическое образование и опыт работы в отрасли. Во-вторых, крайне низкий образовательный и культурный уровень большинства работников. В-третьих, фактическая нехватка работников, порождавшаяся непривлекательными условиями труда и непрестижностью деятельности.

В 20-е годы кадровую проблему удалось частично нивелировать путем централизации управления всеми органами юстиции в руках НКЮ РСФСР. В Наркомате с первых дней советской власти работала плеяда профессиональных юристов, имевшая, помимо профессиональных знаний, опыт организационной партийной работы. Подчинение НКЮ губернских и уездных административных органов позволяло отслеживать общую ситуацию на местах и предупреждать или разрешать наиболее острые проблемы. Кроме того, ведомственное подчинение означало наличие инструкций и предписаний, исходивших из центра.

Специфика сферы юстиции такова, что партийная дисциплина и энтузиазм не могли стать решающим фактором повышения эффективности и качества работы, они могли лишь стимулировать человека учиться. Но для получения специального образования нужно время и условия.

Из работы видно, что на высшем государственном уровне осознавалась острая кадровая проблема в местных органах и учреждениях юстиции. Неправомерно говорить о том, что для её разрешения не предпринимались конкретные усилия. К ним относились организация ведомственной системы профессионального образования, развитие высшего юридического образования, организация испытаний для претендентов на должности судей, издательство и распространение популярной и специальной юридической литературы. Ни одну из мер нельзя признать эффективной.

Не оправдала себя и практика направления в органы юстиции выдвиженцев. Партийно-советское выдвиженчество начала 1920-х не достигло своей цели, поскольку партийные и советские работники привыкли действовать, ориентируясь на собственное усмотрение и революционную сознательность, а не на закон.

Несмотря на то, что оформившаяся в конце 1920-х годов идея «орабочивания» основывалась на необходимости обучения и профессиональной подготовки выдвигаемых лиц, привлечение к юридической службе рабочих и крестьян также не возымело успеха, поскольку предложенные формы обучения мало учитывали как реальный образовательный уровень выдвиженцев, так и условия их работы. Более того, с началом индустриализации сознательные, активные, квалифицированные рабочие (а власть, несомненно, подразумевала выдвижение именно таковых) имели реальные шансы на стабильный заработок и профессиональный рост. Попадая на службу в органы и учреждения юстиции, эти люди оказывались в сфере с низкими зарплатами, малопонятной для них деятельностью, и отсутствием карьерных перспектив.

В остроте кадровой проблемы в сфере юстиции определенную роль сыграла идея отмирания права по мере построения социализма. Юрист рассматривался как представитель временной профессии. На местах эта точка зрения сохранялась вплоть до середины 1930-х годов.

Кроме того, малограмотные работники не были исключительной проблемой юстиции, для региональной власти безграмотность и непрофессионализм были привычным явлением, поэтому от работников юстиции на этом уровне много не требовалось.

В работе показано, что не менее остро стояла проблема материального обеспечения трудовой деятельности местных органов и учреждений юстиции.

Система снабжения была создана и начала действовать в первые послереволюционные годы, однако объемы финансирования не удовлетворяли потребностей ни одной из юридических структур. Это сказывалось как на содержании самих учреждений, снижая эффективность их деятельности, так и на материальном положении сотрудников, снижая мотивацию развития профессиональных компетенций у работающих и препятствуя притоку в сферу юстиции грамотных и социально активных специалистов.

В 1920-е годы возможным способом мотивирования работников могло стать идеологическое воздействие со стороны партийных комитетов, дисциплинарный контроль над членами ВКП(б) и эксплуатация революционного энтузиазма той части служащих, которые были коммунистами или приверженцами большевистской идеологии. В качестве способа повышения эффективности деятельности использовались инструменты научной организации труда (НОТ), но они могли лишь снизить остроту материальных проблем.

В 1930-х революционный пафос стал ослабевать, а стабилизовавшаяся социальная ситуация толкала людей к поискам жизненной стабильности. В органах юстиции такая стабильность отсутствовала не только вследствие низких зарплат, но и по причине их

постоянного реформирования и отсутствия возможности сделать профессиональную карьеру внутри ведомства.

В третьем параграфе *«Бюрократизм и злоупотребления в работе советских учреждений юстиции»* исследовались причины, масштабы и характер волокиты и злоупотреблений, допускаемых местными работниками юстиции.

В работе показано, что в условиях не устоявшейся социально-политической системы приток в систему правосудия значительного количества неподготовленных людей не только усиливал волокиту, но и порождал злоупотребления. Кроме того, деятельность судебно-следственных учреждений, прокуратур, адвокатских коллегий и нотариата на местах протекала в условиях объективных сложностей и коллизий, порожденных постреволюционным временем.

В судах процветала волокита. Жалобы, особенно гражданские, рассматривались годами. Случались утери судебных дел. Судебные работники демонстрировали полную безответственность и некомпетентность, нарушали требования и сроки предоставления отчетности.

Немало нарушений допускалось и в следственных отделах нарсудов. Обвинительные заключения зачастую нарушали статьи применяемых кодексов, строились на априорных предположениях, содержали формулировки “повидимому”, “очевидно”, “надо полагать”, без ссылки на конкретные данные.

Нарушения в деятельности адвокатов имели иной характер: неявка на дежурства, заведомо ложные утверждения в кассационной жалобе, дисциплинарные нарушения (например, неявка на собрание членов коллегии защитников или не вовремя представленный отчет), выступления в суде без ордера.

Местные прокуратуры зачастую были пассивны, ограничивались лишь выявлением правонарушений, не принимая в дальнейшем никаких мер по их пресечению.

Работе государственных нотариальных контор был присущ не столько бюрократизм, сколько намеренные финансовые нарушения.

В борьбе с вышеуказанными явлениями были привлечены как органы судебного контроля (губернские суды), так и внесудебные структуры.

Органы судебного контроля признавали несоразмерность присуждаемых наказаний тяжести правонарушения. Губернские суды предъявляли народным судам и другую претензию: те не обеспечивали гражданских исков в делах о растратах, из-за чего растратчики успевали избавиться от своего имущества и причиненные ими убытки оставались не возмещенными. Часто суды отправляли дело на доследование без мотивированного определения.

Немало претензий к органам юстиции возникало и у губернских Рабоче-крестьянских инспекций (РКИ), особенно по вопросу борьбы с должностными преступлениями чиновников и руководящих работников учреждений и организаций. Для решения этого вопроса в середине 1920-х годов в губерниях

начали создаваться междуведомственные комиссии по изучению должностных преступлений, включавшие представителей РКИ, органов юстиции и ОГПУ. Однако попытка объединения усилий различных органов в борьбе с должностными преступлениями не дала значительного эффекта.

Немало фактов бюрократизма в работе органов юстиции вскрывалось и в ходе рассмотрения заявлений, направляемых в Бюро жалоб при губернских РКИ, членами которых были работники местных прокуратур. Сами бюро являлись, скорее, дополнительным звеном бюрократической машины, поскольку их работа процесс рассмотрения жалоб не ускоряла.

В четвертой главе *«Советская юстиция и власть»* анализировались причины и способы сопротивления органов и учреждений юстиции злоупотреблениям чиновников на местах и возникшие в результате этого сопротивления практики трансформации репрессивных намерений центральной власти.

В первом параграфе *«Противостояние органов и учреждений юстиции злоупотреблениям местной власти»* рассматривались взаимоотношения отделов юстиции и судебно-следственных органов с местной властью и иными структурами, осуществлявшими охрану правопорядка.

В работе показано, что местным органам и учреждениям юстиции зачастую приходилось преодолевать преграды со стороны советских и партийных органов, смотревших на юстицию как на второстепенный орган. Наиболее очевидно это проявлялось на уездном уровне.

Исполкомы различных уровней пытались воздействовать на судей в отношении характера выносимых приговоров, отстраняли их от должности, вызывали для объяснений, почему так, а не иначе разрешено дело.

Конфликты с исполкомами зачастую возникали по вопросу защиты права отдельных граждан.

Отношения с партийными комитетами определялись тем, что процент коммунистов в них на всем протяжении исследуемого периода был не очень высок.

Немало конфликтных ситуаций возникало и в процессе междуведомственного взаимодействия с милицией и ВЧК (ОГПУ). Эти взаимоотношения имели ряд особенностей:

- 1) отсутствовало четкое разграничение полномочий;
- 2) компетенции ВЧК были беспрецедентно обширными;
- 3) недостаточная разработанность правового регулирования борьбы с преступностью.

Большинство межведомственных конфликтов было обусловлено стремлением органов юстиции выполнять свою прямую функцию – защищать законность и обеспечивать правопорядок в обществе.

Выполняя свои профессиональные обязанности, чиновники от юстиции, судебно-прокурорские работники и правозащитники вынуждены были вникать в подробности конкретных жизненных ситуаций, применять к ним нормы

закона, что приводило к отстаиванию прав простых граждан вопреки действиям и желаниям местных властей.

В работе сделан вывод, что противостояние с местной властью было обусловлено стремлением органов и учреждений юстиции на местах, следуя букве закона, отстаивать интересы простых граждан, нарушавшиеся местными чиновниками и чрезвычайными органами, злоупотреблявшими властью. Эти злоупотребления носили массовый характер, были результатом неудовлетворительного культурного и морального уровня служащих, патриархальности и неэффективности местной власти.

Действия органов юстиции сдерживали злоупотребления советских и партийных чиновников, но не могли значительно сократить их. Причины крылись в том, что местная власть была консолидирована неформальными связями чиновников и руководителей одного уровня. Это не только придавало смелости в использовании власти в корыстных целях, но и позволяло саботировать руководящие указания центра. Врученная им новым государством власть давала осознание силы, а низкий культурный и моральный уровень не создавал преград для злоупотребления ею.

Еще одной причиной было то, что местные партийные и советские функционеры отстаивали тезис о том, что служение идее может превратить злоупотребление в служебное рвение или позволит оправдать преступление неумением ориентироваться в политических тонкостях.

Попытки центральной власти блокировать злоупотребления на местах нельзя признать ни последовательными, ни радикальными. Характерно, что междуведомственные комиссии по борьбе с должностными преступлениями были созданы не при прокуратурах, или Губсудах, а при губернских РКИ. Это свидетельствует о том, что органам юстиции отводилась в этом процессе всего лишь роль исполнителя. При этом следует учитывать, что губернские РКИ являлись органами партийного контроля, то есть приоритетно опирались на идеологические установки, а не на правовые нормы.

В работе сделан вывод, что особенностью деятельности местных органов и учреждений юстиции было то, что они имели возможность сдерживать как властные злоупотребления на местах, так и противодействовать наиболее одиозным политическим решениям центральной власти, последствия которых вели к откровенному произволу. Такие возможности были обеспечены самой советской системой.

Из работы видно, что учреждения юстиции поощрялись к тому, чтобы сыграть роль ширмы, за которой раскручивается маховик репрессивной государственной машины. Другими словами, они были нужны власти для выполнения конкретной роли – создавать видимость законности в условиях нарастающего произвола, и власть сама их поддержала.

Во втором параграфе *«Деятельность прокуратуры: между законом и властью»* исследовались различные аспекты и характер деятельности местных прокуратур.

В работе показано, что одной из первоочередных задач деятельности прокуроров на местах была проверка многочисленных жалоб, поступающих от населения. На первый взгляд, разбор многочисленных жалоб не составлял заметной роли в государственном механизме. Однако эта деятельность происходила в контексте режима, репрессивного в своей основе, признававшего примат государства над личностью, что делало её необъятной по масштабу и важной для индивида, поскольку порой прокурорские решения, реализовавшиеся быстрее, чем судебные, могли решить его судьбу, когда другие ведомства бездействовали.

В ходе прокурорского надзора выявлялись не только факты злоупотреблений отдельных чиновников, но и попустительство со стороны работников государственных органов на местах.

Прокуроры занимались и случаями нарушения трудового законодательства, в частности, фактами несвоевременной выплаты зарплаты рабочим и служащим. Зачастую прокуратура становилась единственным защитником прав работника, которому не спешили помочь ни профсоюзы, ни Инспекция труда.

С начала 1930-х годов стремление прокуроров на местах защищать погрязшие права отдельных граждан все чаще стало осуждаться руководящими органами. Местных прокуроров стали огульно обвинять в ненадлежащем надзоре за соблюдением законности.

Коллизия между стремлением прокуратур отстаивать законные права граждан и стремлением государства включить прокуратуру в состав раскручивающегося механизма репрессивной политики с особенной очевидностью проявлялась на местах. О нездоровой обстановке в прокуратурах свидетельствуют участвовавшие к середине 30-х факты самоубийств местных прокуроров, которые находились в гуще реальной жизни, были непосредственно связаны с людьми и понимали, что складывающиеся устремления власти уже не оставляют им возможности отстаивать интересы этих людей.

В работе сделан вывод, что несмотря на стремление придать деятельности прокуратур нужную власти направленность, они продолжали сохранять свой правоохранительный характер. Это объясняется тем, что к началу 1930-х благодаря огромному объему разноплановой работы рядовые прокуроры наработали определенный опыт, и, даже не имея юридического образования, могли определить свою профессиональную позицию.

Материалы исследования показывают, что, будучи выходцами из народных низов, рядовые прокуроры обладали народными представлениями о социальной справедливости, стремлением изменить свою судьбу к лучшему, недостаточной образованностью и слабыми профессиональными компетенциями. Они получали из центра указания, характер которых очень быстро менялся. Проанализировать мотивы и амбиции руководителей было для них непосильной задачей. К тому же необъятный объем практической работы

просто не оставлял времени задумываться об изменившейся сути приходивших из центра директив до тех пор, пока реальность не сталкивала их с угрозой для карьеры или жизни.

В третьем параграфе *«Вовлечение судебно-прокурорских работников в политические процессы»* проанализирована попытка центральной власти вовлечь судебно-прокурорских работников в практику политических процессов в связи с начавшейся сплошной коллективизацией и индустриализацией.

В работе показано, что, решение вовлечь судей и прокуроров в процесс колхозного строительства, было predeterminedено бессилием местных исполкомов и сельсоветов, показавших свою несостоятельность в проведении коллективизации. Судьи, следователи и прокуроры выступили в качестве организационного ресурса, призванного преодолеть слабость инфраструктуры местной советской власти.

Кроме того, в случае успеха, вовлеченность работников юстиции могла зримо продемонстрировать всему миру «законность» и цивилизованный характер процесса, а в случае неудачи – найти и покарать «виновных» через систему правосудия.

И, наконец, власть в очередной раз продемонстрировала демократические начала, причем здесь демократия сработала как механизм – в аграрные преобразования была включена система правосудия.

Рейды в деревню начались еще в 1928–1929 гг., а в начале 1930-х сталинское руководство вынуждено было прибегнуть к изданию ряда драконовских уголовных законов, направленных против крестьянства. То есть, за три года судебно-прокурорские работники, направленные в деревню с явно карательными задачами, не придали сплошной коллективизации нужные власти темпы и масштабы. Здесь сыграли роль различные факторы.

Во-первых, судьи и прокуроры, которых местное начальство по-прежнему не желало воспринимать всерьез, пользовались большим доверием населения, чем исполкомовские чиновники. К ним шли за защитой от произвола и кулаки, и середняки, и бедняки, и они в силу своей должности вынуждены были разбираться в ситуации «по букве закона», тем более что часто по-другому в сути дела и невозможно было разобраться. Во-вторых, им дали установку контролировать перегибы местного руководства – для этого была благодатная почва – местное руководство закона часто не знало, и действовало либо на основе классового принципа, либо чисто корыстных интересов. И в третьих, судебно-прокурорские работники качественно оказались не готовы к столь масштабным и противоречивым процессам – в силу низкого культурного и образовательного уровня они не могли понять, как можно соединить борьбу с кулаком с необходимостью наказания председателя сельсовета.

И, наконец, широко тиражируемые на протяжении 20-х годов идеи народного правосудия успели укорениться в сознании самих прокуроров и судей. Многие низовые судьи и прокуроры сами были выходцами из крестьян,

нормы этого жизненного уклада был им понятны, для того, чтобы отличить правду от злого умысла, им было достаточно здравого смысла и справедливости. Другими словами, к началу 1930-х годов сама советская реальность сформировала у судебно-прокурорских работников определенную систему ценностей, понимание справедливости и целесообразности. Тотальный террор против крестьян не вписывался в эту систему. Поэтому судьи, прокуроры и следователи в повседневной практике находили способы применения законов и вынесения судебных решений, которые позволяли удержать разгул террора.

В работе сделан вывод, что в результате сопротивления судебно-прокурорских работников на местах, последствия использования уголовного закона как средства проведения преобразований были значительно смягчены.

В четвертом параграфе *«Деятельность адвокатуры в условиях антагонизма с властью»* исследовалась специфика деятельности первых советских адвокатов.

В работе показано, что встраивание адвокатуры в систему советской юстиции означало изменение отношения большевиков к правосудию и правопорядку в целом. Адвокатская деятельность стала восприниматься как нормальная практика, к которой любой гражданин мог прибегнуть во многих ситуациях повседневной жизни, связанных не только с преступными проявлениями, но и с насущными вещами: разводами, наследованием, имущественными спорами, налоговыми выплатами и прочими социальными явлениями. К адвокатским услугам обращались представители самых разных слоев населения по разнообразным вопросам. Потребность в адвокатской помощи нарастала, о чем свидетельствовал рост численности коллегий правозащитников.

Немалую роль сыграло то обстоятельство, что становление адвокатуры совпало с переходом от «военного коммунизма» к нэпу. Дело не только в том, что в рамках нэпа приветствовалась частная инициатива и индивидуальный труд, но и в усложнении имущественных отношений. В этих условиях адвокатская практика поощрялась с чисто прагматических позиций. Кроме того, настаивая на необходимости адвокатуры, Наркомат юстиции ни в коей мере не предполагал создавать некий институт гражданского общества, который будет защищать интересы индивида от произвола государства. Адвокатура изначально рассматривалась не как правовой, а как политический институт.

Из работы видно, что члены коллегии адвокатов в своей повседневной практике вникали в подробности многочисленных конкретных жизненных ситуаций, что приводило к отстаиванию прав граждан в случае злоупотребления местных властей. При всей слабости своих позиций в советском правосудии, адвокаты заставляли местных чиновников обращаться к законодательству. Они могли подсказать, как обжаловать несправедливое решение или посоветовать прибегнуть к обращению в вышестоящую

инстанцию, что порой оказывалось единственным способом преодоления бюрократизма и волокиты и помогало людям решить свои проблемы.

На становление советской адвокатуры влиял ряд противоречивых факторов.

С одной стороны, специфика адвокатской деятельности затрудняла рекрутирование в эту среду представителей трудящихся масс, чей образовательный уровень в 1920–1930-е годы оставался крайне низким. Это противопоставляло адвокатуру советской партийно-государственной системе, вызывало недоверие к ней. Однако по мере усложнения социальных отношений усложнялось советское законодательство и практика его применения, что делало адвокатуру все более востребованной.

С другой стороны, средоточие в адвокатской среде дореволюционных специалистов было нежелательным для новой власти явлением. В адвокатуре было мало коммунистов, что также не укрепляло доверия к ней, особенно на местах. Кроме того, сущность адвокатской деятельности вступала во все больший антагонизм со стремлением власти к репрессивным методам осуществления политических решений.

В пятой главе *«Советская юстиция и обыватель»* исследовались восприятие рядовыми гражданами системы юстиции и формирование отношения к результатам её деятельности.

В первом параграфе *«Политическая фразеология в практике повседневного общения с властью»* рассматривалось использование политической фразеологии в различных ситуациях взаимодействия с властными органами.

В работе показано, что частота общения с властными органами привела к тому, что демагогическая, революционная по форме, фразеология не только была освоена обывателем, но и превратилась в своеобразный инструмент решения собственных проблем.

Обыватели активно использовали политические клише в различных жалобах и прошениях, как письменных, так и устных, направляемых в губернские суды, в ревтрибуналы, а затем и в прокуратуры.

Любая просьба сопровождалась фразами, которые подчеркивали либо «правильное» происхождение, либо революционные заслуги самого просителя или его близких родственников.

В случае действительно совершенных правонарушений можно было попытаться избежать неблагоприятного для себя исхода путем манипулирования революционными фразами, пытаясь оправдать себя, выступали в качестве радетелей общего блага, для чего большевистская фразеология открывала необъятные возможности.

В работе обосновано, что навязчивое внедрение в массы революционных лозунгов вызвало своеобразный «эффект бумеранга»: во взаимоотношениях с органами советской юстиции обыватели с большим или меньшим размахом использовали предлагаемую властью демагогическую фразеологию для

оправдания собственных, далеких от «революционных идеалов», а то и неправомерных действий, подавая их как идейно оправданные и целесообразные.

Обыватель «принял» новую власть и ее «правила игры», а его предприимчивость находила выход в самых жестких политических конструкциях и условиях, стала способом приспособления и выживания в повседневности.

Во втором параграфе *«Восприятие органов юстиции гражданами»* исследовался характер восприятия гражданами системы юстиции и причины, способствовавшие его формированию.

На основе детального анализа многочисленных источников в работе сделан вывод о невозможности категоричного отрицания правоохранительного характера деятельности органов юстиции. Одним из аргументов является восприятие гражданами органов юстиции как конструктивного элемента в системе госаппарата, призванного решать их конкретные нужды.

Так как 1920–1930-е годы были временем еще не устоявшихся форм в сфере государственного управления, то органы охраны правопорядка стали развиваться разнонаправлено.

Деятельность органов внутренних дел приобретала репрессивный характер, в то время как система юстиции сохраняла свою правоохранительную сущность. До середины 1930-х годов суды не воспринимались рядовым обывателем как репрессивные органы. Судопроизводство было напрямую связано с динамично развивающимся советским законодательством, которое все больше регламентировало социально-политические реалии и позволяло решать повседневные проблемы.

В работе показано, что граждане обращались в суды по самым обыденным, часто незначительным поводам. При всем несовершенстве судебной системы, люди воспринимали её как средство либо восстановления справедливости, если человек не считал себя виновным, либо решения собственных проблем, если правонарушение действительно имело место.

Попытки власти вовлечь суды и прокуратуры на местах в репрессивные политические процессы оказалось недостаточно для того, чтобы изменить это восприятие. Тем более что советы низового уровня в первые годы коллективизации демонстрировали полную беспомощность и своими хаотичными действиями только усложняли ситуацию. На этом фоне даже репрессивные действия судебно-прокурорских работников выглядели более конструктивно и гораздо больше походили на управление процессом.

В работе проанализированы причины позитивного восприятия населением Советской России органов и учреждений юстиции.

Во-первых, специфика юстиции заключается в том, что без знаний законодательства и процессуальных норм повседневная трудовая деятельность работников не может быть реализована. Низкий образовательный и культурный уровень основной массы работников на

местах не позволяли им анализировать эволюцию правовой концепции большевиков, они могли понимать законы только буквально, то есть защищать интересы рабочих и крестьян. Предписанные надзорные функции усиливали стремление к пресечению нарушений правопорядка любыми органами.

Во-вторых, к юстиции относились коллегии адвокатов, которые при всех проблемах и недостатках деятельности пытались если не отстоять, то, по крайней мере, разъяснить гражданам их права, определенные молодым советским законодательством.

В-третьих, к началу 1930-х у обывателя сформировался опыт взаимодействия и контактов с новой властью. Этот опыт подсказывал, что учреждения юстиции, несмотря на все свои недостатки, были более профессиональны, чем, органы НКВД, руководствовавшиеся исключительно классовым принципом.

Из работы видно, что юстиция была в большей степени приспособлена к решению насущных жизненных проблем обывателей.

В основе позитивного отношения обывателей к органам юстиции лежало то, что их деятельность выходила за рамки решения вопросов с сугубо классовых позиций, другими словами признавала наличие в жизни не только политических ситуаций.

В третьем параграфе **«Общественная нагрузка в трудовой повседневности работников юстиции»** рассматривались формы и масштабы вовлечения работников местных органов и учреждений юстиции в общественную работу.

В работе показано, что немаловажную роль в формировании положительного образа работников местных учреждений юстиции в сознании обывателя сыграло их широкое вовлечение в различные общественные кампании, которые были олицетворением времени.

У работников юстиции на местах была разнообразная общественная нагрузка: членство в различного рода общественных объединениях, просветительская деятельность, нацеленная на пропаганду советского права, участие в кампаниях по распространению госзайма, организация показательных процессов с целью правового воспитания масс и приближения суда к населению, участие в работе обществ МОПР, ОСАВИАХИМ, Красного креста, Долой неграмотность, членство в профсоюзах. Для организации подобных видов общественных работ существовали даже «целевые аудитории» – женщины и красноармейцы, и, прежде всего, крестьяне.

Работники-коммунисты несли партийную нагрузку. В 1920-х она мало отличалась от общественной нагрузки и сводилась к культурно-просветительской работе в форме подготовки материалов для выступлений на заседаниях ячеек и общих собраний. В 1930-е годы партийная работа приобретала все более формальный характер, культурно-просветительская составляющая ушла в прошлое, началось распространение коммунистической

идеологии на профессиональную деятельность судебно-прокурорских работников. Однако, несмотря на увеличение численности коммунистов среди работников юстиции на местах и организационную упорядоченность работы первичных парторганизаций, в начале 1930-х годов говорить о реальном партийном влиянии на работу местных судов и прокуратур преждевременно. Можно сказать, что для него только создавалась организационная основа.

Партийная нагрузка работников юстиции не преобладала над общественной нагрузкой, так как доля коммунистов была невелика, реального влияния на профессиональную карьеру партийность не оказывала.

Из работы видно, что массовое участие судебно-прокурорских работников в общественной жизни нельзя приписывать только принуждению – к середине 1920-х эта профессиональная среда была наводнена некомпетентными и малообразованными выдвинутыми, которым было легче участвовать в общественной работе, чем разбираться в жизненных или правовых коллизиях. Кроме того, определенную часть кадрового состава советского правосудия в этот период составляли бывшие чиновники, рекомендованные исполкомами, а они любили организовывать и пропагандировать.

В пятом параграфе *«Вовлечение граждан в формы общественного правосудия»* рассматривалась эффективность различных форм общественного правосудия, масштабы и последствия вовлечения в них рядовых граждан.

К формам общественного правосудия можно отнести деятельность «рабочих» или «сельских корреспондентов», коими обозначались лица, писавшие в газеты статьи о каких-либо злоупотреблениях.

Однако добровольная помощь не была единственным способом привлечения широких масс к поддержанию правопорядка. В работе показано, что в 1920-е годы этот процесс формализуется путем создания различного рода общественных судов, групп содействия, использования в практике работы судов и прокуратур наряду с постоянными работниками «социалистических совместителей».

Основной задачей групп содействия на промышленных предприятиях и транспорте являлась борьба за выполнение плана, в первую очередь путем своевременного уведомления прокуратуры обо всех «вылазках» классового врага, случаях искажения директив партии и правительства. В сельскохозяйственных районах это была борьба за социалистическую реконструкцию сельского хозяйства, организационно-хозяйственное укрепление колхозов путем выявления случаев явного и скрытого сопротивления классово-враждебных элементов, нарушения революционной законности.

Члены группы имели право внести через районную прокуратуру протест о незаконности любого постановления или распоряжения, добиваясь его отмены, собрать материал и со своим заключением направить его в прокуратуру для привлечения лица к уголовной ответственности, по

специальному распоряжению прокурора расследовать дела в уголовном порядке и осуществлять производство отдельных следственных действий.

Еще одной формой вовлечения народных масс в поддержание революционной законности стало создание на селе примирительных камер, которые в октябре 1930 года были преобразованы в сельские общественные суды.

Процесс формирования примирительных камер происходил сложно и медленно. Крестьяне недоверчиво относились к новой форме правосудия.

Постановлением ВЦИК, СНК РСФСР от 10 октября 1930 г. существующие при сельсоветах примирительные камеры должны были переименовать в сельские общественные суды. Дела, связанные с одиозным законом «о пяти колосках», были неподсудны общественным судам. Поскольку официальные судьи были заняты в кампании коллективизации, местные власти пытались воздействовать на общественные суды, принуждая их к рассмотрению серьезных уголовных дел, которые выходили за пределы их компетенции. Наркомюст занял по этому вопросу однозначную позицию – общественные суды могли рассматривать дела о хищениях только в случаях мелких краж.

Вовлечению населения в дело охраны правопорядка должно было способствовать и формирование при местных советах секций революционной законности. На практике их работа быстро превратилась в принудительные заседания с участием юрисконсультов советских учреждений и судебно-прокурорских работников.

В 1929 году в ЦЧО зародился новый метод работы – месячник проверки соблюдения революционной законности. Как прокурорский актив, так и простые граждане могли сообщать в прокуратуру об имеющихся незаконных постановлениях или злоупотреблениях местных властей или руководителей любого ранга. Тогда же появляются и сведения о шефстве рабочих фабрик и заводов над отдельными прокуратурами.

В работе сделан вывод, что попытки создать эффективные формы вовлечения населения в повседневную работу по охране социалистической законности нельзя признать успешными. Тому было несколько причин. Во-первых, у части партийных и советских руководителей на местах все еще сохранялись представления о «ненужности», «временности» любых институтов юстиции в советском государстве. Большею частью такую активность проявляли сами органы и учреждения юстиции. Во-вторых, большинство активистов лишь формально носили свой статус, поскольку привлечь сельского жителя к чему-либо в период уборки урожая было практически невозможно. В-третьих, «бескодексное» правосудие входило в диссонанс с социально-политическими процессами, происходившими в стране в конце 1920-х – начале 1930-х годов, главной составляющей которых было стремление государства нормировать все стороны жизни людей.

К середине 1930-х годов явной стала тенденция к укреплению законности и централизации различных ведомств юстиции, и общественным судам в этой структуре была уготована бутафорская роль. Деятельность общественных судов и «соцсовместителей» не столько приближало правосудие к населению, сколько дискредитировало его, что к середине 1930-х уже было ненужно власти, которая стала рассматривать право как орудие для достижения своих целей.

В Заключении, в соответствии с целью и задачами, подведены итоги исследования, сделаны выводы.

Основные положения и научные результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи, опубликованные в журналах, включенных в международные реферативные базы данных SCOPUS и Web of Science

1. Крыжан А.В. Конфликт губернского масштаба: как Курский губернский отдел юстиции не выполнил распоряжение Наркомюста. 1922–1924 // Новый исторический вестник. № 4 (30). 2011. С. 55–62 (0,41 п.л.).
2. Крыжан А.В. Обыватель и советская юстиция: из опыта использования политической демагогии в повседневном общении с властью // Новый исторический вестник. № 4 (34). 2012. С. 38–47 (0,48 п.л.).
3. Крыжан А.В. Бюрократизм и злоупотребления в местных советских учреждениях юстиции (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2014. № 4 (42). С. 49–62 (0,9 п.л.).
4. Крыжан А.В. Из истории изучения местных советских учреждений юстиции 1920 – 1930-х годов: Взгляд на монографию П. Соломона // Новый исторический вестник. 2016. № 1 (47). С. 126–137 (0,75 п.л.).

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

5. Крыжан А.В. Взаимодействие местных органов юстиции с советскими, партийными и чрезвычайными органами // Научные ведомости Белгородского государственного университета. История. Политология. Экономика. 2007. Выпуск 3. № 4 (35). С. 116–120 (0,45 п.л.).
6. Крыжан А.В. Социально-политическая повседневность в Советской России в 20-е гг. XX в. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2011. № 6 (44). С. 74–79 (0,45 п.л.).
7. Крыжан А.В. Провинциальные работники юстиции первого десятилетия Советской власти // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 4 (10). Часть 1. С. 86–89 (0,35 п.л.).

8. Крыжан А.В. Кадровое обеспечение деятельности органов юстиции в первые годы советской власти // Научные ведомости Белгородского государственного университета. № 1 (120). 2012. Выпуск 21. С. 178–184 (0,47 п.л.).
9. Крыжан А.В. Отношение провинциального обывателя к советской власти в первые постреволюционные годы (на материалах Курской губернии) // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. Выпуск 2. С. 149–157 (0,51 п.л.).
10. Крыжан А.В. Материальные условия трудовой деятельности работников местных учреждений советской юстиции в 1918–1924 гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012. № 5. С. 60–65 (0,53 п.л.).
11. Крыжан А.В. Советская прокуратура в социально-политической повседневности 20–30-х гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28). Часть 1. С. 95–98 (0,44 п.л.).
12. Крыжан А.В. Становление адвокатуры в системе советской юстиции в 1920-е годы (на материалах Курской губернии) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2013. № 10 (111). С. 74–84 (0,47 п.л.).
13. Крыжан А.В. Борьба местных советских прокуроров за соблюдение законных прав граждан в конце 20-х – начале 30-х гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 3 (31). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/036-006.pdf> (0,2 мб.)
14. Крыжан А.В. Финансирование и материальное обеспечение местных органов и учреждений юстиции Советской России в 1918–1930-е гг. // Экономический журнал. 2015. № 2 (38) С. 122–129 (0,41 п.л.).
15. Крыжан А.В. Общественная нагрузка в трудовой повседневности работников юстиции в 1920 – начале 30-х гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2015. № 3 (66). С. 48–52 (0,45 п.л.).
16. Крыжан А.В. Правозащитники в новых повседневных реалиях Советской России 1920-х гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 3 (35). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/040-006.pdf> (0,2мб).
17. Крыжан А.В. Влияние первичных партийных организаций на работу местных органов и учреждений советской юстиции в 1920–1930-х годах // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2016. № 2 (71). С. 22–27 (0,73 п.л.).
18. Крыжан А.В. Выдвиженчество в местных органах советской юстиции в 1920-е годы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 4(48). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/053-017.pdf> (0,28 мб).

19. Использование элементов научной организации труда в деятельности учреждений юстиции на местах во второй половине 1920-х годов (по материалам «Еженедельника советской юстиции») // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 3. С. 14–24 (0,84 п.л.).

20. Проблемы организации народного суда как элемента системы советской юстиции // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 5. С. 5–15 (0,89 п.л.).

Монография

Крыжан А.В. Органы юстиции Курской губернии в первые годы Советской власти. 1917-1922. Саарбрюккен: Изд-во LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & CO. KG, 2011. 132 с. (5 п.л.)